

АЛЕКСАНДР СТРОГАНОВ

Сочинения. Том 2

Александр Строганов

Сочинения. Том 2

«Издательские решения»

Строганов А.

Сочинения. Том 2 / А. Строганов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833547-1

«Писатель Строганов проник в „тонкие миры“. Где он там бродит, я не знаю. Но сюда к нам он выносит небывалые сумеречные цветы, на которые можно глядеть и глядеть, не отрываясь. Этот писатель навсегда в русской литературе». Нина Садур.

ISBN 978-5-44-833547-1

© Строганов А.
© Издательские решения

Содержание

Суглоб	6
Вступления	6
Часть первая	9
Глава первая	9
Глава вторая	81
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Сочинения. Том 2

Александр Строганов

© Александр Строганов, 2016

© Александр Евгеньевич Строганов, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-3547-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Суглоб

каким его застал Андрей Сергеевич Благово, многоголосый рассказчик и призрачный герой, исследователь Гипербореи

Вступления

Вступление первое

Этот роман не мог быть не написан, поскольку он был написан уже до того, как был написан.

Вступление второе

Многоголосье

Не замечаем его. Стараемся не замечать.

Свысока, зачастую раздражаясь, называем фоном, гулом, гудением, шумом. А напрасно. На самом деле не велик труд, принять его и привыкнуть к нему. В награду же можно заполучить (видеть, слышать, осязать и петь) то, что находится под оболочкой слов. Целый мир. Чувственный, шершавый чуть сладковатый мир. Берите, удивляйтесь, пользуйтесь.

Да, но при одном условии: ни в коем случае не следует пренебрегать шорохами. Я уже не говорю о шепотной речи, сопении и кашле.

Многоголосье не содержит случайностей. Вспомните хотя бы прижизненные записи концертов Рихтера – хрупкие тяжелые диски в пахнувших канифолью синих коробках.

Вступление третье

Предыстория такова

С ранних лет я представлял себе, что ношу в себе Гиперборею, лучезарную державу, населенную блаженными людьми, каждого из которых неотвратимо ждет счастье, не теперь, так в обозримом будущем. Теми блаженными людьми, трансформированными в недрах моего зыбкого сознания, были соседи мои, попутчики, прохожие, закономерные и случайные знакомые. Вот, думалось мне, они спешат или прогуливаются, удят рыбу или ругаются матом, а сами того не знают, что счастливы, и впредь будут счастливы.

Иногда, по недомыслию, я делился своим наитием, но, благодарение щедрым на подзатыльники моим учителям, довольно скоро начал осознавать, что далеко не все понимают меня и радуются моему потаенному знанию. Большая часть соотечественников предпочитает пребывать в зрелом неведении, тем самым, обрекая себя на мутное уныние и сокровенную тоску, тщательно, но, чаще всего, безуспешно скрываемую искусственным весельем, а, подчас, и крошечной дуростью.

Вот вопрос: *А не приметами ли Гипербореи как раз являются эти тоска и веселость, сменяющие друг друга с беспощадностью календаря? что-нибудь наподобие генетической памяти или интуиции?*

И еще вопрос: *А не гипербореями ли были наши прародители?*

И как далеко можно зайти в подобных рассуждениях?

И можно ли вообще понять, наконец, откуда всё, в каком направлении, зачем, и что впереди? И нужно ли это понимать?

Вот и остановиться бы, и жить себе, как люди живут. Большинство людей.

Да где там?

А, может стать, Гиперборея вовсе и не внутренняя моя родина, но большая родина моя?

А, может быть, это я сам?

А вообще, Родина это место где ты родился и живешь, или то, что родилось в тебе и живет? Вот, например, является ли панцирь улитки ее родиной?

От таких да этаких мыслей торжественный страх то и дело незамедлительно и больно сжимал мое зыбкое существо. Страх немотивированный и необъяснимый.

Тотчас представлялся мне провинциальный актер, еще пару минут назад до колик потрясавший полупустой зал утробными анекдотами, теперь уже с дрожащими руками и жестокой испариной у себя в гримерке.

Да в такую-то минуту ему и в зеркало посмотреть страшно, думалось мне.

Как одновременно велик и мал этот героический лицедей, молниеносно состарившийся ребенок!

Вступление четвертое

Многоголосый рассказчик и призрачный герой, исследователь Гипербореи, Андрей Сергеевич Благово, а вы уже догадались, что рассказ мой ведется, в том числе и от его имени, в первую очередь от его имени, родился и провел первые два года своей жизни в городке Суглоб, что, казалось бы, не имеет никакого значения. Однако же – деталь, согласитесь.

Пожалуйста, сохраните в себе эту деталь, позже она пригодится, когда начнутся разные там метаморфозы.

Даже раньше, когда наш герой соберется в дорогу.

Хотя какие путешествия, если вдуматься, такому-то недотепа? А герой наш – классический недотепа, если не сказать больше. А, может быть, только кажется недотепой, хочет казаться? Примерил эту маску, что безусловно выгодно, и живет себе – в ус не дует.

А, может быть, он – особенный, уникальный такой человек, только я его не рассмотрел, как следует? Не рассмотрел, но описал подробно, как мог. И самого его, и путешествие его, если это можно назвать путешествием. Одним словом, решать вам.

И не забывайте, Андрей Сергеевич был произведен на свет в Суглобе. Пригодится.

Или не пригодится, если описание последующих событий и раздумий наскучит вам. Или мои мысли, или мысли моего героя, взбунтовавшись, отправятся в неведомом направлении, и заплутают, не ровен час. Такое тоже может случиться.

Вообще растерянность, неразбериха, томление по чуду и душевное ветшание – приметы новейшей истории.

Нет-нет, я вовсе не настраиваю вас на то, что мы с нашим героем – безответственные фантазеры, бесплодно мудрствующие персонажи, вдобавок ко всему не отличающиеся психическим здоровьем. Ни-ни. Ни в коем случае. Здесь другое.

Как бы это лучше сказать?

Некое противление времени и пространству, этим смиренным рубашкам бытия. Своеобразный протест, если хотите. Жажда первозданной наготы, если хотите.

Пожалуй, так.

Да, наверное, это – самое главное.

Ну, разумеется, милосердие, сострадание и прочее и прочее. Многие из нас заслуживают сострадания, честное слово.

Вступление пятое

Многоголосый рассказчик и призрачный герой, исследователь Гипербореи, Андрей Сергеевич Благово картавит. Потому Гиперборея из его уст звучит как *Гипобоея*. Многие собеседники Андрея Сергеевича, которым посчастливилось словом или делом прикоснуться к его изысканиям, уверены, что предметом его вдохновения является именно некая Гипобоея.

Вступление шестое

Теперь, когда вы погрузитесь в монологи Благово, и обнаружите гортанные пустоты вместо *р*, вам будет намного проще живо представить себе нашего героя.

Вступление седьмое

Один просвещенный молодой человек, парикмахер, как выяснилось, мой земляк, назовем его Кузьма, по прочтении моих черновиков однажды заметил, *Суглоб, не Суглоб, всё – Суглоб*.

Как бы ни так, подумал я.

Со школьной скамьи привитое нашему подслеповатому и доверчивому поколению свойство обобщать и делать выводы искалечило многие судьбы. Однако вслух я не стал перечить Кузьме. Однако сомнение закралось.

Суглоб, не Суглоб, всё – Суглоб. Нет?

Вступление восьмое

Не всегда стоит верить тому, что кажется очевидным и наоборот.

Вступление девятое

Вступление восьмое можно опустить. Хотя оно коротенькое, много времени не займет, а лишнее напоминание о невидимых в кричащей июльской листве или по ноябрю слившихся с ослепительной немотой хитроумных ловушках и непостижимых ловцах никому не помешает.

Все персонажи и события романа вымышлены.

Любое сходство с реально существующими людьми и ситуациями случайно.

Часть первая

Глава первая

Для неведомого все имена, что одно

Лао Цзы

Гиперборея – в древнегреческой мифологии и наследующей её традиции – северная страна, местообитание блаженного народа гипербореев. Название дословно обозначает «за Бореем», «за севером». Согласно Ференику, гипербореи выросли из крови древнейших титанов... наряду с эфиопами, феаками, лотофагами они относятся к числу народов, близких к богам и любимых ими...

...Так же как их покровитель Аполлон, гипербореи художественно одарены. Блаженная жизнь сопровождается у гипербореев песнями, танцами, музыкой и пирами; вечное веселье и благоговейные молитвы характерны для этого народа – жрецов и слуг Аполлона...

...Смерть приходит к гиперборейцам как избавление от пресыщения жизнью, и они, испытав все наслаждения, бросаются в море, там неизвестны раздоры и всякие болезни...

...Нельзя сомневаться в существовании этого народа.

Википедия

Итак.

Лишь самым близким мог я доверить свое чувственное знание, и по неопытности доверял, но оказалось, что известие мое (речь, как вы уже догадались, идет о Гиперборее), как правило, пугает их, точнее я пугаю их, пытаюсь детскими своими парадоксами и наитиями обнадежить и укрепить их на пути их.

В одной первостепенной книге я обнаружил, что лейтмотивом в жизнеописаниях выдающихся людей является их несгибаемая убежденность в собственной правоте.

Признаюсь, я, в отличие от оных, подчас все же испытываю сомнения, и даже серьезные сомнения (смотреть вступление седьмое).

Благодаря той первостепенной книге, я также узнал, что не являюсь выдающимся человеком. Обстоятельство сие, однако, несколько не расстроило меня, ибо выдающимся человеком я действительно не являлся, и стать им не стремился.

Участь большинства выдающихся людей, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Они подвергаются топоту, окликам и прочим гонениям, страдают неизлечимыми болезнями, тонут, стреляются и голодают.

Пьют протяжно, по причине робости стараясь затушевать режущую глаз большинства необычность свою.

Болеют, тонут, стреляются и голодают.

Умирают рано.

Я же с рождения был устремлен к безмятежности и долголетию. Не случайно темой моей жизни стала не какая-нибудь коченеющая от собственного отражения Антарктида со стеклянными странниками и их собаками, но нежная, как детская ладошка Гиперборея. Что, замечу, несколько забегая вперед, не исключает присутствие собак.

Она, Гиперборея, определенно существует.

Было же время, когда человечество не знало или позабыло об Антарктиде? Было, и не так давно.

Найти, найти, во что бы то ни стало нащупать очертания дивной империи счастья!
Дума эта упорно не оставляла меня.

Вот – загадка: откуда во мне, персоне, с самого начала слабохарактерной и ленивой, подобное потайное упорство?

И зачем мне все это? – размышлял я.

За что?

Почему?

Во имя чего?

С какой стати?

Что за бред?

Как видите, кое-какая самокритика во мне присутствует.

Быть может, это дано мне свыше? – раздумывал я.

Вероятнее всего, это оттого, что весть моя благая, – рассуждал я.

Не случайно фамилия моя Благово.

Нет, нет, ничего общего с горностаями, вензелями, бантами, аксельбантами, эполетами и ливреями. Насколько я располагаю информацией, предки мои – угловатые люди с рябыми лицами и котомками, отметившиеся в избах и тюрьмах.

Не врачи.

Не юристы.

Не либералы и не воздухоплаватели.

Просто Благово.

Наверное, кто-то с кем-то согрешил, а, может быть, и нет.

И вообще, кто может знать, откуда всё и как?

И что – не грех?

Можно, конечно, сколько угодно философствовать над этим, жизнь на это положить, но подобные упражнения ума – не моё.

Благово и Благово.

И, слава Богу, что Благово.

И счастье, что не дразнили. Просто трудно придумать имечко внезапнее и чуднее.

Степанов, Маркин, Ливнев, Якин, Гудович, даже Розенфельд... все логично, и, вдруг...

Благово. Это, доложу я вам, это – уже того...

Это уже не имечко, а намек какой-то. Двусмысленность, по меньшей мере.

Сочинителей в роду не было.

Никакого отношения к Дмитрию Дмитриевичу Благово, автору автобиографической поэмы «Инок» и «Рассказов бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанных и собранных ее внуком с материалами семейного архива и примечаниями» не имел и не имею.

Стоп.

Здесь – подробнее.

Бабушку свою помню весьма смутно, только ее трясущуюся лягушачью головку, да исходящий от нее запах укропа. Какому-нибудь французу такое сочетание, может быть, и понравилось бы, я же, при виде бабушкиных страданий, всегда испытывал тоску и неотвратимость. Наверное, то же самое чувствует человек, когда его затягивает трясина. Страх остается позади, а вот именно тоска и неотвратимость.

Да.

Иночества побаиваюсь, ибо остро чувствую его зов.

Даже подумать страшно!

Могу растаять вполне в сахарном облаке, коим наполнена каждая келья и каждая иноческая душа. Растаять без остатка.

Обычно тает сахар, в моем же случае – все наоборот. Откровенно говоря, иногда складывается впечатление, что законы физики и химии обошли меня стороной. Могу, скажем, правой ногой почесать у себя за ухом, как собака.

Иночество же манит. Подумать страшно, как манит!

Стоп.

Надобно переключиться, помолчав минуту.

Единственное, что унаследовал я от своего однофамильца – несомненный литературный дар, о котором говорить вслух по причине скромности не решаюсь.

Пока не решаюсь. Посмотрим, что будет дальше. Человек на своем пути, изрытом укорами и похвалами, довольно скоро теряет самокритику.

Впрочем, что об этом говорить, когда вы и так все видите?

Дар пульсирует в каждом слове. Простите.

Тем более, что это не я сказал. *Другой*. Я бы сказать такое не осмелился покуда. Всё одно – простите. Будьте милосердны.

Но куда от факта убежишь?

Дар поблескивает между строк и в послевкусие.

Или когда я уже что-нибудь написал, а потом, спустя некоторое время читаю, намеренно позабыв, заставив себя забыть, что писал-то я сам.

Как будто писал это кто-то другой, ко мне не имеющий никакого отношения.

Совсем другой.

Дмитрий Дмитриевич, например.

Или еще кто-нибудь.

Так что я не себя прославляю, а того – другого. Как будто.

Вот так всегда. Только появляется нужда замолвить о себе словечко, начинаю путаться.

Так или иначе, несомненный литературный дар от своего несуществующего родственника я унаследовал. Больше ничего, пожалуй.

Ну, может быть, еще родинку под левой лопаткой. Я просто уверен, что у Дмитрия Дмитриевича, как и у меня, под левой лопаткой находилась перламутровая родинка.

Ну, может быть, еще страсть к подробностям. Когда я покупаю спички, непременно пересчитываю их. Занимаюсь этим увлеченно, хотя и помимо воли.

Еще мне нравится выражение *в огороде бузина, а в Киеве дядька*. На первый взгляд, как будто нет никакой связи между бузиной и дядькой. Но, если проникнуть в суть, огород запущен, хорошо бы руку приложить, да кто этим займется, когда дядька все время в разъездах?

Бабушка Дмитрия Дмитриевича наверняка знала и любила эту фразу, равно как и моя бабушка. Так, что все мы, в определенном смысле, братья и сестры.

В сумерках это становится очевидным. Последнее время мне стало казаться, что сумерки – главное время суток. С умозаключением моим можно и нужно, наверное, спорить, но ведь я никому не навязываю свою точку зрения.

И чашки из чайного сервиза люблю пересчитывать. Знаю, что их шесть, а все равно пересчитаю, слева направо, а затем справа налево. Казалось бы, никчемный, пустой ритуал, а сколько в нем достоинства и порядка? Вот и не хочу от него отказываться.

Знаете, отказаться от чего-либо – проще всего. А ты возьми, да и не откажись, иными словами, полюби себя таким, какой ты есть. И других заставь.

Но это, пожалуй, самое трудное.

Разумеется, речь идет о тех дорогих минутах, когда ты остаешься наедине с самим собой. Хотя, в такие минуты я иногда ненавижу себя. Просто взял бы и выбросил себя на помойку.

Русские люди, хоть и теперь, когда сами знаете что, а в прошлом уж вне всяких сомнений, все русские люди – в известной степени Благово. И здесь вы можете со мной не соглашаться. Сколько угодно.

Покуда по воле случая не окажетесь в какой-нибудь вяленой деревеньке, где дыры, да латки на каждом шагу, а кот последнего караса сожрал.

Покуда не озябнете и не осиротееете душой.

Покуда ночь не задрожит на дне вашего страха.

Покуда не попросите пощады, водицы и ночлега.

Тут-то вам и прилетит, и разверзнется.

И жаром печным обдаст.

И поцелуй перед сном, и разная другая любовь!

Будь я Дмитрием Дмитриевичем, наверное, все же попытался бы найти в библиотеке «Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком с материалами семейного архива и примечаниями».

Как говорится, перечитать, вспомнить.

Знаете, так бывает, иногда попадет в руки случайно твое же собственное письмо, и удивлению нет предела: неужели это я такую глупость написал? И как только могло этакое в голову придти?

Будь я Дмитрием Дмитриевичем, наверняка раздобыл бы «Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком с материалами семейного архива и примечаниями». Но, поскольку я – не Дмитрий Дмитриевич, особой нужды в том не испытываю, да и чаяния мои располагаются совсем в другой области.

Что мне до его бабушки и ее воспоминаний?

Плохо сказал.

Неуважительно.

Наверняка и она, и ее внук были милыми людьми.

Вместе с тем, как сказал бы *кормчий*, мне это – ни к чему.

О каком кормчем идет речь?

А какая разница?

В любом из них свивал свои головокружительные кольца змей избирательности.

А как же иначе?

Однако *кормчего* рекомендую отметить.

Позже пригодится. Возможно.

Хотя, иногда любопытство предательски заявляет о себе. Пару раз мои ноги самопроизвольно направлялись в сторону библиотеки, но осознание того, что я – не Дмитрий Дмитриевич, и никакого документального отношения к Дмитрию Дмитриевичу не имею, благоразумно удерживало меня.

А разыщи я «Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком с материалами семейного архива и примечаниями»?

Так и до автобиографической поэмы «Инок» не далеко, и кто знает, кто знает, что ожидало бы меня в будущем?

Известно, что, некие, умалчиваемые биографами, драматические события семейной жизни принудили Дмитрия Дмитриевича уйти в Николо-Угрешский монастырь. Мне же думается, что драматические события семейной жизни здесь ни при чем. Он изначально стремился к исходу. И если бы я занялся исследованием жизни своего однофамильца, уверен, я бы нашел тому подтверждения. Но исследование жизни Дмитрия Дмитриевича не входило в мои планы, так как никакого отношения к нему, равно как и к его бабушке, я не имею.

Вот зачем, скажите на милость, мне думать обо всем этом?

А вам?

Я же – не Дмитрий Дмитриевич. Даже не Андрей Дмитриевич, светлая память отцу водородного чуда.

Я – Андрей Сергеевич.

Как Тургенев.

Только он – Иван Сергеевич, а я – Андрей Сергеевич.

Но имя Андрей нравится мне не меньше, а, возможно, и больше, чем Иван, так как напоминает мне об Андрее Тотемском.

Однажды зимой к блаженному Андрею Тотемскому явился слепой по имени Ажибокай, предложил ему большую сумму денег и попросил исцеления, но юродивый убежал. Тогда Ажибокай вымыл глаза снегом, на котором стоял блаженный, и тут же прозрел.

Раньше или позже все мы прозреем. К этому нужно быть готовыми.

Итак, жизнь моя сделалась жизнью сокрытого, а впоследствии и явного, в чем у вас будет возможность убедиться, путешественника.

Прошу обратить внимание, что антарктических горемык я назвал странниками, а себя причислил к путешественникам.

Это – не случайно.

Все дело в звуках.

В слове *странник* присутствует сочетание продувающего насквозь звука *с*, безысходного звука *т* и душераздирающего звука *р*. Вот произнеси это *странник* с чувством, и тут же гусиная кожа, и зуб на зуб не попадает.

На *путешественника* же, благодаря *п* и *ш* тотчас проливается карамельное тепло Индии или телесное тепло Италии или лиловое тепло Персии, или... ну, и так далее.

Обожаю слова. В особенности – новые слова. Люблю и коллекционирую их, как монеты, марки или фантики.

Только что я упоминал о безмятежности, нежности и все такое. Разумеется, все это – грезы, так сказать. Мечты. На самом деле путешествия мои, как и положено пусть и потаенным, но подлинным путешествиям, изобиловали скрытыми, но впечатляющими трудностями и опасностями, сродни походу по минному полю, наиболее точно отображенному в полотнах американского художника Джексона Поллока, символично убиенного собственным автомобилем.

Надо бы перемениться.

К лучшему.

Неприменно нужно перемениться.

Чувствую.

Нет, не чувствую, убежден.

Скорее всего, история с Гиперборей насажена в меня с этой именно единственной целью, и я уж конечно, уж как повелось, волен-с, неволен-с, переменюсь, куда деваться?

Пренебреженно переменюсь.

Или не переменюсь, а только сделаю вид, что переменялся, как поступает большинство. Поступает, будучи не в силах перемениться.

В угоду и только.

Дабы не расстраивать тех и этих.

А на деле – ни-ни.

А потому что нет ничего более упрямого и неподъемного, нежели человек, с его нутряной непогодой и кораблекрушениями.

Это печально, безусловно. Но, куда деваться?

Куда деваться, спрашиваете вы?

Думаю.

Разве что попытаться все же?

Думаю.

А, действительно, почему бы не сделать попытку?

Уж если столько лет носишь в себе такое, о чем многие другие и не знают, и знать не желают, такое, против чего и Колумб – не Колумб, почему бы не попробовать? Грех не попробовать.

И вообще, всякое надобно пробовать.

А как же?

И сладкое и горькое.

А как же?

Неужели вы полагаете, что Горькому нравилось его прозвище, даром, он сам себе его придумал?

Еще как не нравилось.

Нет, первоначально, может быть, и нравилось, почему нет?

Молодой человек – хочется удивить, взбудоражить, и все такое...

А вот потом, по прошествии лет, уже среди погибающих от скуки шагреновых женщин, и вечных студенток с иудейскими глазами-маслинами?

Просто ложка дегтя какая-то.

Просто заноза и конфуз.

Вполне вертикальный мужчина в полоску с загаром, литыми руками, патриархальной тростью, папирсой, гулким голосом, и вдруг...

Такое печальное, умное лицо дворовой собаки, собаки, которой хочется доверить все свои тайны, которой хочется поплакаться, которая поймет и не осудит, и тоже поплачет, которая промолчит где надо, и где не надо промолчит. Такое очень домашнее, домотканое лицо, лицо, вселяющее некоторую надежду в безнадежных, лицо, приглашающее к величальной песне, и вдруг... горько!

Простите, Горький.

Что звучит также пошло и некстати.

В любые времена.

Впрочем, Сладкий, например, было бы еще хуже.

Ну что это, в самом деле, за Сладкий? с такими-то беспробудными усищами и курортной шляпой?

Что же делать, когда третьего не дано? когда Соленый – совсем из другой оперы, а Кислый – вообще из области шей?

На определенном этапе всякая задачка кажется неразрешимой. Разумеется, если это – стоящая задачка. Впрочем, при определенных обстоятельствах всякая, даже пустяковая задачка может показаться тупиком и крахом.

Подразумевается пат? цугцванг? спросите вы.

Никак нет.

Как же все разрешилось? спросите вы.

Туберкулез все расставил по своим местам.

Или яд.

Все равно.

Не суть важно.

Прискорбно, но факт.

Исторический факт.

И какова мораль?

Перемены необходимы.

Всегда.

Жизнь без перемен пахнет недельным бельем. Так что без перемен – никак.

Но это, во-первых, должны быть своевременные перемены и перемены во благо.

А, во-вторых – перемены еще до перемен, то есть когда перемены происходят сами по себе. Вне нашей воли и раздумий.

Лучше всего – еще до нашего рождения.

Еще лучше – до нашего зачатия, когда мы представления не имеем, что есть горько, что есть сладко, а также солоно и кисло. Когда самое зачатие, казалось бы, еще под большим вопросом, но что-то там под ложечкой уже ворочается как полнолуние.

А лицо? Лицо, знаете ли, обманет, и глазом не моргнет.

Что такое беспричинный человек?

Беспричинный человек – это такой неприметный, гладкий, как правило, человек, возникающий на вашем пути неизвестно зачем.

Нет, причина его появления, безусловно, существует, но, ни вы, ни он, ни при каких обстоятельствах не сможете обнаружить ее. Потом, когда-нибудь, как говорится, в другом измерении...

Встретив такого человека где-то в компании или по службе, мы его, обычно, тотчас забываем и при новой встрече не узнаем, если кто-либо не укажет на знакомство.

Сам беспричинный человек промолчит. Безусловно.

Что ждать от такого человека?

Скорее всего, ничего. Ни плохого, ни хорошего. Подлости он вам не сделает, потому что подлость требует известной страсти, а он бесстрастен. Да и что такое подлость? Пойди теперь, разбери.

Слово доброе, пожалуй, скажет, но от слова его не будет вам ни жарко – ни холодно. Ибо для того чтобы доброе слово попало в цель, оно должно иметь привкус лести. И не спорьте.

А откуда же взяться лести, когда беспричинный человек о своем думает? Тихо и подробно. В думах тех он фантазер, да еще какой!

О, в думах тех он может Бог знает чего достичь!

Если в думах его покопаться, можно и сварливую и гадливую нотку обнаружить. Но это – не опасно, потому, что думы его всегда были и будут прикрыты волнообразным панцирем одному ему ведомых и прочувствованных незыблемых правил. И правила эти – превыше всего, что бы ни случилось.

Что бы ни случилось.

Некое подобие черепахи.

Черепахи – изумительные, неопознанные, я бы сказал, философские животные. Если честно, меня одолевают серьезные сомнения, животные ли они вообще?

При всей кажущейся бессмысленности существования этих каменеющих на ходу бродяг, одно знаю наверняка – жизнь без них переменялась бы приблизительно так же, как меняется гримаса у человека, в одночасье лишившегося рассудка.

Когда судьба ставит беспричинного человека перед выбором, точнее так, пытается ставить его перед выбором – он попросту проходит мимо.

И он прав, тысячу раз прав, так как игра эта бесконечна. За дилеммой следует следующая дилемма, а там еще пара дилемм...

А зачем, спрашивается, все это нужно? И надобно ли вообще?

Надобно. Но с одной лишь целью – чтобы всякая, даже малая неожиданность представала перед нами гремучей неожиданностью.

И незамедлительно, следом... суровое наказание.

Шучу.

Пошутить люблю. Знаю толк в юморе. Не стал бы хвастаться, когда бы ни люди. Близкие и далекие многократно помечали эту мою особенность. Так что я и не хвастаюсь вовсе, констатирую факт. Чтобы вы побольше узнали об авторе заинтересовавших или, напротив, возмущивших вас баек.

Равнодушными я вас не оставлю. Надеюсь.

Откуда надежда? спросите вы?

Да просто мне самому интересно, куда приведут меня мои мысли.

Итак. Мы остановились на суровом наказании.

Суровое наказание. Да.

Как говорится, *вдруг, откуда не возьмись...*

Что я подразумевал под суровым наказанием?

Выбор? Необходимость выбора и принятия решения. Внезапную и безжалостную необходимость совершения поступка.

Вдруг, как говорится, откуда не возьмись...

Это – из *народного*.

Сам бы я такое не придумал, а если бы и придумал, ни в коем случае не использовал бы, когда бы это не было *народным*. Так что, уж, пожалуйста, впредь, по поводу разного рода афоризмов, пословиц, поговорок, скороговорок, считалок и куплетов здесь и дальше – не судите строго, ибо – *народное* есмь.

Народное всегда волновало меня

Какой-нибудь рушник с петухами попадет мне в руки... ну, что особенного? рушник, эка невидаль? а уж я и обнюхиваю его, и пританцовываю с ним, и лобызаю его, и слезы катятся. Так в нас бурлит генетическая память.

Когда бы вы застали меня за этим занятием, вы бы не смеялись, вам бы страшно сделалось. Такая вот генетическая страсть.

С детства.

По этой причине мать в доме *народного* не держала.

Жалко мне этих петушков на рушнике что ли? Или себя маленького жаль?

Обыкновенно такое слабодушие в старости наблюдается, как правило, у выходцев из деревни. А у меня, вроде бы горожанина – с раннего детства.

Никто меня этому специально не обучал.

Вот, кстати. Все учат нас, учат. Мы учим кого-то в свою очередь. И во всяком учении присутствует смысл.

Наверное.

И подчас приносит плоды.

Наверное.

И всем как будто полезно.

И уж если польза не в учении, то в чем, позвольте полюбопытствовать, в таком случае, польза?

И так дальше.

А вот беспричинного человека незачем учить. Уйдет он от учения. Убежит. Но не во вред, и не в пакость – в себя, в государство свое, потому что в таком-то человеке подлинное государство и живет. Ибо государство самое беспричинно и всегда полезно человеку. Я имею в виду идеальное государство, то государство, за которое на смерть идут или, напротив, во имя его спасения, от смерти убегают.

Помолившись, разумеется. Без молитвы от смерти далеко не убежишь.

Удобно государству в таком человеке, и ему с государством не хлопотно.

Вот и выходит – целесообразен он и велик, беспричинный человек.

В себе велик.

А окружающим – невдомек. Окружающие, обыкновенно, ни о чем не догадываются. Проходят мимо. Ибо неприметен беспричинный человек, да и росточком мал, как правило.

Если проявить любопытство, да присмотреться, как следует, беспричинные люди узнаваемы. К примеру, сейчас Андрей Сергеевич...

Это я, как бы поднимаюсь над собой, как облачко пара изо рта в морозный день поднимаюсь над собой и за самим же собой наблюдаю, чтобы оценить, или посмеяться, или успокоиться. Я все время так делать буду. Так рассказывать удобнее. А вы привыкайте.

К примеру, сейчас Андрей Сергеевич...

А, может быть, это – другой Андрей Сергеевич. Очень похож на меня, но другой. Если – другой, легче придумать для него приключение, а то и подвиг, наделять трогательными сла-

бостями или небывальными достоинствами. История тогда получится захватывающей, головокружительной и мятной. Может стать, и не такой захватывающей, но самому мне перечитывать ее в голубиной старости будет много интереснее. Хотя, пишу я, конечно же, для вас.

К примеру, сейчас Андрей Сергеевич приняв скорбную позу, сидит прямо на полу скользкой кухни и с жадностью обглаживает бледную куриную шею. Никаких внешних признаков задумчивости, я уже не говорю о вдохновении. Даже цвет самого Андрея Сергеевича совпадает с цветом обглаживаемого им фрагмента, Так что можно подумать, уж вы простите мне это сравнение, что Андрей Сергеевич обглаживает какую-нибудь деталь самое себя.

Можно ли эту сцену сопоставить с торжественным, я бы сказал, витражным строем его размышлений?

А размышления его именно что витражно – торжественны.

Я бы к этим его размышлениям даже инвенцию Баха присовокупил...

Иоганна Себастьяна...

Когда бы это не попахивало безвкусицей по причине перебора...

А здесь, пожалуй, что перебор...

Но, дело не в этом.

В конце концов, дело не в этом.

В конце концов.

В чем же дело?

А вот в чем.

Потрудитесь ответить, можно ли этакую филигранную фигуру ума, содеянную едоком куриной выи (а фигура ума, содеянная едоком куриной выи, можете мне поверить, филигранна) сопоставить с простецкой фигурой самого едока куриной выи?

Нет.

Ответ кажется очевидным.

Но здесь-то как раз кроется ошибка.

Что такое?

А вот что.

Кажется, прикажи ему теперь с чувством, *сигани в окошко!* он, молча, сиганет. И непременно останется живым. Все равно, какой этаж. Он только сморщится, потрет ушибленный локоть, возможно, скорее всего, пустит шепотом бранное слово и вся недолга. Хотя, согласитесь, это очень неприятная процедура, если не сказать больше.

Беспричинные люди и бранные слова знают, и всякое такое, о чем говорят в подпитии в однополых компаниях, знают не хуже нас с вами. Только все такое в них не особенно-то приживается. А, может стать, напротив, звучит в них таким fortissimo, что стоит им немного ослабить контроль, немедленно вырывается из заточения, и на воздухе превращается в конфуз.

Самым лакомым и покойным состоянием для беспричинного человека является созидание. Что и как созидает он – не важно. Он может сочинять стихи, чистить чеснок или вылавли-

вать блох у обожаемого питомца. И то, и другое, и третье для него творчество и наслаждение, и любовь. Примитесь запросто говорить с ним в минуту созидания, в ответ, скорее всего, вы получите невнятное мычание или, хуже того, какую-нибудь нелепицу.

С кем же он делит, в таком случае, свои открытия и мечты?

С вами?

Со мной?

Сомневаюсь.

Так что еще неизвестно, кто для кого беспричинный человек. Он для нас или мы для него.

Что нужно человеку, если он захочет почувствовать дыхание счастья? Не погрузиться в счастье надолго как (если не верить в Бога) погружаются в назначенный срок добрые люди в ванны с формалином, а коротко, на минуту – две, не больше? Как погружаемся мы в смех, когда встречаемся с удачной шуткой. Или в чих, когда кто-нибудь по осторожности просыпал перец.

Вы сомневаетесь, что дыхание счастья можно вызвать?

Вы убеждены, что по желанию сладостный озноб и вдохновение не наступает?

Заблуждение.

И доказать это очень просто.

Проведем простой эксперимент.

Закройте глаза и представьте себя человеком будущего. Далекого будущего.

Откуда нам знать, что это за человек, так называемый человек будущего? скажете вы. А вы понаблюдайте за собой и окружающими. Заметьте, какие черты наши наливаются и становятся значимыми, а какие мало-помалу истончаются и хиреют. И представьте, что много десятилетий спустя убывающие черты наши исчезнут совсем, а те, что просились быть главными, окончательно перевесят и останутся единственными. Вот и получится у вас человек будущего.

И какой же это будет человек?

На первом этапе это будет человек, то, что нынче называется *себе на уме*.

Куда деваться? Мы умнеем из года в год. Многим из тех, кого прежде можно было провести на мякине, нынче палец в рот не клади.

Простодыр, олухов и бессребреников становится все меньше.

Последняя рубашка всегда при себе.

Руки тщательно вымыты.

Копейка – на страже.

Чужие пальцы откушены.

Человек будущего – сам по себе, собой доволен и других оценивает по степени их полезности для себя. Стало быть, на пустые разговоры и подобные моим пустые рассуждения времени тратить не будет.

Дом – полная чаша, двери закрыты наглухо. Шторы, пожалуй, тоже. Ибо всякое шевеление во дворе бесцельно и бесперспективно.

Кстати, не исключено, что и само шевеление во дворе со временем прекратится.

Это закономерно.

И в этом нет ничего предосудительного.

И только потом, по прошествии веков...

Когда, наконец, впервые (подчеркиваю, *впервые*, ибо это совсем новое, невиданное качество) ... когда *впервые* человек (будущего) испытает, насыщение (трудно поверить? согласен) ... так вот, на втором этапе, когда человек будущего накушается, он (внимание) ... *возлюбит ближнего!*

Всем сердцем, всей иссохшей и растрепанной в ветошь душой своей.

И в глазах его займется разум.

Вы скажете, *как же? что же? у современного человека в глазах безумие разве?*

Отвечаю – да!

В сравнении со взглядом человека будущего, взгляд современного человека несет оттенок... не безумия, нет, скорее глупости.

Трудно объяснить, конечно. Здесь, как говорят ученые, нам потребуется сравнительный анализ.

Хорошо.

Попробуем сравнить взгляд ламы и электрической лампочки.

«Лама и лампочка». Неплохое название для басни.

«Гога и Магога», «Гоголь и Моголь».

Между прочим, я знал одного детского врача с фамилией Гоголь. Он тоже был великим гурманом.

Ах, Гоголь, Гоголь! Ну что, скажите на милость, случилось бы со всеми нами теперь, когда бы гений Гоголя в свое время не обнаружил, не узнал, не обозначил бы Чичикова, и не прочертил бы захватывающую дух траекторию его тлеющей брички?!

Ах, Гоголь, Гоголь! Обожаемый! Так бы схватился за зеленые фалды и вылетел вместе с ним в трубу!

Как видите, я большой придумщик.

Что не мешает быть созерцателем.

Немного Чичикова, немного Гоголя – вот вам и едок куриной шеи.

Волшебник на отдыхе.

Подле печной топки.

Знал я одного беспричинного человека, по имени Федор Иванович Воробушек.

По работе мне нужно было забрать у него какие-то документы... он, кажется, был болен, уже не помню точно... одним словом, я оказался у него дома.

Такая ничем не примечательная квартира, даже и описывать ее лень.

Помню, хозяин в дырявом китайском халате с мертвыми птицами проводил меня на кухню, предложил чуть теплого, пахнущего тленом чая, уселся напротив и принялся рассматривать нечто чуть выше и позади меня.

Диалог наш выглядел следующим образом:

– *Федор Иванович, я к вам, собственно, за документами*

– *Да, да.*

Пауза

– *Федор Иванович, я к вам за документами.*

– *Да я понял.*

Пауза.

– *Федор Иванович, мне бы документы у вас получить.*

– *Документы, да.*

Пауза.

– *Федор Иванович...*

– *Конечно, конечно.*

Пауза

– *Послушайте, а почему бы вам не выпрыгнуть в окно?*

– *В окно?*

– *В окно, Федор Иванович.*

Воробушек мой поднялся, неспешно подошел к окну, отворил его и...

Позже я узнал, что он остался жив, только сломал руку и четыре ребра.

Прибывшему врачу Федор Иванович сообщил, что мыл окно и упал случайно.

Разве не находите вы в этой истории примет героизма? Притом, обоюдного героизма. Как с его, так и с моей стороны.

И все же, и все же...

Тщусь убедить себя и заявляю вслух, что ничего особенного о себе не воображаю, что мне безразлично мое положение в собственном самосознании и глазах окружающих, что я готов довольствоваться малым и не мечтаю ни о чем этаким.

Что же, в известной степени я действительно не воображаю о себе ничего особенного. В известной степени мне безразлично мое положение в собственном самосознании и глазах окружающих.

Наверное.

Я готов довольствоваться малым и не мечтаю ни о чем этаким.

Наверное.

Но так ли это в объективной реальности?

И что это – *объективная реальность?*

То, что я ничего особенного о себе не воображаю, то, что мне безразлично мое положение в собственном самосознании и глазах окружающих, то, что я готов довольствоваться малым и не мечтаю ни о чем этаким, разве это и есть объективная реальность?

Вряд ли.

Что же, в таком случае?

Ничего.

Вынужден констатировать: *без Гипербореи я – ничто.*

Как не прискорбно.

Бессмертие – вот хрустальная мечта человечества.

Сдается мне, что фразочки типа проклятушного *memento mori* и простонародного *все там будем* – настоящий метафизический яд, что медленно ведет индивидуума к кающемуся вполне логичным концу жизни.

Под концом жизни я подразумеваю то непредсказуемое неуправляемое несчастье, или (если не верить в Бога) счастье, когда, подобно чертику из табакерки, выскакивает рак или грудная жаба или, леший знает, кто еще.

Не знаю, как насчет бессмертия, но двести – двести пятьдесят лет жизни, по моим подсчетам, в будущем гарантированы. Сбудется мечта великого Павлова!

Видите, как получается?

А дальше?

А дальше, как говорится, если стоите, присядьте.

Не знаю, о чем еще мечтал великий Павлов, об этом никто кроме него не знает, а самого физиолога, к всеобщему огорчению, уже нет в живых.

Беру на себя смелость утверждать, что Ивана Петровича, как человека острого и современного, наряду с собаками, заботила проблема микробов и их, вроде бы, незаслуженного могущества.

Думаю, что Иван Петрович так и не нашел решения этой проблемы, подтверждением чего является произнесенная им незадолго до смерти фраза – *Не такой я дурак, чтобы не верить в Бога...*

На мой взгляд, верующих людей намного меньше, чем кажется, но значительно больше, нежели есть на самом деле.

Одним словом и фигурально выражаясь, условное письмо корифея потомкам осталось недописанным, а главная сказка, соответственно, недосказанной.

Ну, что же? пусть письмо, как говорится, и обрывается на полуслове, отвечать все же надо.

Лучше, как говорится, поздно, чем никогда.

Миру, как говорится, мир, а старику – радость.

К слову, Павлов кормил своих собачек карамелью, оттуда и пошло – *собачья радость*.

Ну, что же? Письмо? Письмо.

Дорогой Иван Петрович, нас ждут эпохальные перемены!

Дорогой Иван Петрович, с радостью и трепетом сообщая Вам – ждать осталось совсем недолго.

Дорогой Иван Петрович, с радостью и трепетом сообщая Вам – в недалеком будущем, ждать осталось совсем недолго, бесконечное и, если согласиться с Ламарком (а как с ним не согласиться?) незаслуженное могущество микробов перейдет к человеку. Самих же микробов же, созданий вредных и вредоносных, не станет вовсе.

Да, да, да.

Это – аксиома, поскольку закон сохранения энергии никто не отменял.

Сам замечательный закон претерпит развитие, в результате чего не только энергия, но и само естество сможет путешествовать от субъекта к субъекту.

Таким образом, человек со временем и внешне приобретет черты микроба, существа еще недавно предельно жизнеспособного, если не сказать совершенного. При этом глаза, взор, точнее, ощущение, что на вас смотрит нечто чрезвычайно осмысленное, останется.

Больше ничего.

А больше ничего и не требуется

Совершенство – в простоте. К этой незамысловатой истине на исходе лет приходит всякий просвещенный человек, если ему удастся еще при жизни перешагнуть рубеж зрелости.

Напрашивается еще один вариант, где акцент несколько меняется, но звук делается более чистым: к этой незамысловатой истине приходит всякий просвещенный человек, если ему удастся при жизни перешагнуть.

И тот, и другой вариант имеет право на существование.

Точнее так: и тот, и другой вариант уже существует.

На этом эволюцию, о которой так долго говорили ученые, и Вы в их числе, можно будет объявить завершенной, а Вас поздравить с убедительной победой первой сигнальной системы над законами Паркинсона и теорией падающего бутерброда.

Еще раз поздравляю всех нас.

Дата, подпись.

Каково?

Но микробы бестолковы? возразите вы, ознакомившись с эпохальным письмом.

А откуда вам это известно?

Разве вы владеете искусством беседы с бактериями?

Разве вы знакомы с их историей и географией?

А, может быть, вы слышали их напевы и участвовали в их обрядах?

Нет?

Почему же с такой легкостью вы заявляете о том, что они бестолковы?

Но это само собой разумеется, недоумеваете вы.

Вот оно и выскочило треклятое само собой разумеется. Все у нас само собой, все у нас разумеется.

Да разве с таким мракобесием в сердцах сможем мы оторваться от собственной тени, окончательно разорвать сырой купол неба и встретиться с вечностью?! пусть не с вечностью, пусть с ее отражением хотя бы!

Вы говорите, нам все рассказали до того, как мы родились.

Вы говорите, мы все знали, еще до того как нам рассказали.

Ответ мой вам таков – не нравится? оставайтесь в своем душном клеенчатом кармане. Не нравится? продолжайте оглушительно стучаться в собственный затылок! Не нравится? ступайте вслед за своим кривоногим Дарвиным на дерево и покрывайтесь толстой рыжей щетиной!

Похожая перспектива забавляла еще Чехова, великого писателя, чьи персонажи только при поверхностном прочтении кажутся мелкими чудиками, а при внимательном изучении ока-

зываются теми атлантами, что не дают небу упасть на землю даже, и в особенности, в такие времена, когда, казалось бы, это – единственный и наилучший выход для всех.

Прошу простить великодушно, иногда я бываю несдержан.
Но вы должны меня понять.
Осточертели тщетные и тлетворные узоры суеты, честное слово!

Не сомневаюсь, мои рассуждения кажутся бредом сумасшедшего.
А не спешим ли мы с выводами, дамы и господа?

А разве наши современники уже сегодня не округляются и не лысеют?
Что скажете, дамы и господа?

А разве идея спирали, давно вынашиваемая большими учеными и сочинителями, не заимствована из микробьего бытия?

Что скажете, дамы и господа?

Съели?!

То-то!

Вот, только окликом и проймешь вас.
Ох уж эта извечная сладострастная тоска по палке.

Только представьте на минуточку.

Глаза закрыты

Томление.

Мы – счастливые люди будущего.

Лениво, не прилагая усилий, парим в теплом желе безвременья

Медленно играем с крахмальными капельками света, свиваем и расплетаем свои орбиты, процеживаем собственную наготу сквозь сито тишины, ласкаем мысленно единственное оставшееся в употреблении слово.

Алоа.

Что это за «алоа» мы уже не знаем, да и надобности в том никакой нет...

Нечто подобное – приветствие в Гонолулу. Но там говорят «алоха». А это – «алоа». Совсем другое дело.

Всякая буква имеет колоссальное значение.

Но, речь не об этом.

Зачем оставил слово? спросите вы.

Вот вы сейчас меня не видите, а я улыбаюсь с хитрецей.

Передернул, а вы и не заметили.

Зачем оставил слово?

Оставил, да и все тут.

Оставил, но одно лишь. Единственное.

Ибо нахожу это справедливым.

Хотя бы одно слово, пусть и не самое важное, но памятное по телефонному прошлому должно остаться. Если хотите – для воспетой Шекспиром связи времен.

Томная тишина

Мерцающая бесконечность.

Лад. Все изумительно хорошо

Одна досада – нет в том желе места ни ароматной куриной шейке, ни, ароматному же куриному крылышку.

Здесь – пауза и... еще остающийся в репертуаре живительный хохот!

Каково?!

Что скажете?!

Интересно, чем занимаются шулера на старости лет, когда их сделавшиеся бамбуковыми пальцы карт удерживать уже не могут? Наверное, путешествуют. Что им еще остается?

Но какую шутку я с вами сыграл?!

А какой парадокс в финале?!

Шутка, конечно.

Какое там *единственное слово*, при нашей неистребимой и всепоглощающей страсти к разговорам?

Дом полыхает, захлебывается дымом, хозяева уже черны, уже головешки почти что, а все говорят, говорят. И не то, чтобы важное что-то перед кончиной выразить пытаются, нет. Остановиться не могут. Разучились.

Может быть, допускаю, шутка моя, как и вся цепочка умозаключений немного тяжело-вата. Но такова уж философия.

Философия, а в особенности смелая философия, видите ли, не терпит легкомыслия.

Я – философ, в известной степени. И кому-нибудь отчет о моем беспримерном путешествии может показаться философским трактатом, ни больше, ни меньше.

Ну и что же? Хочется вам трактата? пусть будет трактат.

В конце концов, все мы видим только то, что хотим видеть. А если картинка немножечко другая, мы тогчас книжечку захлопываем, шторы задергиваем, двери запираем и отправляемся на кухню.

Кухня всегда желанна, даже если в холодильнике мышь удавилась.

Интересно, кому взбрела в голову эта история с мышью?

Понятно же, что при всей высокой организации, а это совершенно очевидно, мышь все равно не придет к мысли о самоубийстве... Скорее так – *именно благодаря своей высокой организации мышь не придет к мысли о самоубийстве.*

Одним словом, можно открыть глаза.

Вы сидите на желанной кухне, прямо на шероховатом полу.

В руках у вас та самая ароматная куриная шейка, что не съедается разом, и нужно потрудиться пальцами и языком, чтобы добыть ее нежное мясо. И самих вас переполняет нежность от того, что проделываете вы все это не спеша, потому что не голодны по большому счету. А шейку куриную обглаживаете вы только потому, что вот именно этой самой куриной шейки вам вдруг захотелось смертельно.

И мысли ваши гуляют как рубахи на ветру или синие птицы.

И завести ваши мысли могут вас куда угодно, хоть на Мадагаскар, хоть в Абиссинию, хоть... в Гиперборею.

Можно и окно разбить, если уж очень захочется.

Впрочем, последнее, придуманное мной действие не характерно для беспричинного человека. Беспричинный человек скорее выглянет в окно. В крайнем случае, выпрыгнет.

А там...

Голуби, голуби, голуби, птицы бестолковые, но чрезвычайно забавные своим высшим предназначением и походкой.

И наблюдать за ними можно бесконечно.

Можно даже язык им показать.

Разве не счастье?

Нет, не удержусь.

Инвенция Баха.

Иоганна Себастьяна.

Пусть у меня дурной вкус. Но мне этого очень и очень хочется.

А голубей стало меньше, чем прежде.

Над этим следует подумать хорошенько.

Чего только не намешано в нас?

Мой отец простил и покинул нас с матерью, когда мне было шесть лет.

Предполагаю, что ему было трудно сделать это, потому что он отчаянно рыдал, когда уходил.

Уверен, что ему было бесконечно трудно сделать это, потому что на помощь он призвал своего отца, которого в тот памятный вечер я осознанно увидел первый раз в жизни.

Младенчество, частично проведенное в скольжении по его животу – не в счет.

Уже тогда весьма пожилой отец отца показался мне похожим на белого кита, каким его изображали в книжке про Моби Дика тех времен, когда животные в иллюстрациях еще напоминали животных.

Пока мать в комнате, как могла, утешала отца, отец отца сидел со мной на кухне, и терпеливо слушал мой рассказ о Гиперборее.

Я уже знал кое-что о Гиперборее, то есть был чрезвычайно смышленным малышом: некоторые взрослые даже подозревали, что я награжден высокой болезнью, в простонародье – скудоумием.

Когда отец отца понял, что стенания за стеной, равно как и мой рассказ стали приобретать черты бесконечности, он стремительно вырос над столом, умывальником, полками и полотенцами, беспощадно вернув мне и мой возраст и высокую болезнь; удивительным образом не разрушив ничего, ввалился в комнату родителей; взял своего сына (моего отца, как высправедливо догадались) на руки и вынес, как раненого, с поля боя в дохнувшую сырость и темнотой неизвестность.

В то мгновение до меня со всей очевидностью дошло, зачем я упорно на протяжении трех лет, преодолевая оклики и затрешины, расписывал дверь в прихожей обычным мягким и химическим карандашами, чернилами, зубной пастой, пластилином, краской Каstellани и зеленой – я готовил для своего отца врата новой жизни.

Насколько помню, плач отца оставался в комнате еще минут двадцать после его исчезновения.

Насколько помню, я зачем-то проямлил тогда – *запятая*.

Мама умерла, я окончил сельскохозяйственный институт и, в согласии с детской мечтой, устроился водителем катка.

Но не женился.

Хотя жениться надо было бы.

Следовало бы жениться.

Замечательно, наверное, жениться, если судить по впавшим в безмятежность и округлившимся вскоре после лебяжьего обряда моим однокашникам.

Но, в связи с этим выстраивается колючий ряд головоломок и шарад.

Чего бы я хотел от своей женитьбы? Точнее, чего хотела бы от нашей женитьбы моя избранница? точнее избирательница меня?

Не знаю.

Зарабатывал я совсем ничего и питался бы, преимущественно за ее счет, правда ем я неохотно и помалу. Когда нет аппетита. И если это не курица.

Во время сомнительных игр (про себя я так называю интимные отношения), я мог бы, не ровен час, засмеяться.

Во избежание недоумения, верчения пальцем у виска, переглядываний, перешептываний и справедливости ради, замечу, это смех особенный.

Попытаюсь пояснить. Причин для привлекательности сомнительных игр я не нахожу. Осмыслить их невозможно.

Растолкуйте мне, если можете, отчего, сталкиваясь с сомнительными изображениями сомнительных игр или сомнительными рассказами того же толка, человек перегревается, наливается гулом и, главное, покидает себя?

А ведь в этом волнении присутствует и привкус ужаса. Сбросившее оковы рассудка воображение тотчас примеривает на тебя роль одного из сомнительных игроков. Жалом аспиды тебя пронзает мысль – *как же я смогу, когда ничего не знаю, не умею?* кроме того мне нестерпимо стыдно, и лучше бы я жил, как жил прежде, но назад пути, по-видимому уже нет.

А дальше – смех, будьте любезны.

Такой вот смех.

Впрочем, позже, когда сомнительные игры станут для меня такой же процедурой как ужин или прогулка, качество сомнительного смеха может измениться, но, опять же, не в лучшую сторону. К примеру, в самый неподходящий момент забавная мысль может придти мне в голову, ибо голова моя редко отдыхает, и я опять же рассмеюсь.

Это частенько случается, когда я остаюсь наедине с собой.

И в присутственных местах случается подчас.

Так что, как не поворачивай – чудовищный конфуз и растерянность в перспективе.

Омут. Омут.

А вот живут же те, другие, настоящие люди, сохраняя серьезность, невозмутимость и значительность, точно и не знакомы с сомнительными играми вовсе. Но то – другие люди. Очень сильные.

Их много.

Большинство.

Кроме прочего, к миссии родителя я не был готов, так как к детям у меня особое отношение, и если возня в песочнице кажется мне интересной, я, нисколько не задумываясь о своем возрасте и положении в обществе, с легкостью могу принять в ней участие.

Возможно, супруга моя, как большинство женщин, имела бы некие представления о том, что такое семейная жизнь, и попыталась бы как-то обустроить, обучить и упорядочить. Однако, по моим наблюдениям, представления эти, в сочетании с заложенным генетически неудержимым стремлением свить и заполнить гнездо, представляют собой ядовитую смесь, способную вызывать у самих женщин не болезнь, но несчастье.

Наконец, что случилось бы с моей миссией?

Да разве смог бы я при всех супружеских хлопотах и парадоксах уберечь в себе Гиперборею?

Навряд ли.

Тогда, зачем все?

Предположим, родился бы у меня ребенок. Хороший, да пригожий. Сказочный ребенок, потому что от меня может родиться только сказочный ребенок.

И где прикажете ему жить? когда империя счастья по-прежнему не найдена, так как отец его, вместо того, чтобы следовать внятной и благородной цели, увлекся сладкой суетой.

Этак и до диабета не далеко.

Вожделение катка представляет собой нечто среднее между стихосложением и управлением дирижаблем. Всегда вдохновение и запах свежести.

На катке ты не обгоняешь пространство, но как будто идешь с ним в ногу, так что, со временем начинаешь угадывать, когда зашевелится южный ветер, а когда соберется с духом дождь.

Вожделение катка – призвание и радость.

Во всяком случае, для меня.

По моим предположениям, моя жена простила и покинула бы меня через три месяца после свадьбы. Уходя, она голосила бы как профессиональная плакальщица.

И подумалось бы мне тотчас – *запятая*.

Какая запятая, зачем запятая?

Или ушла бы незаметно, как это произошло в случае с Разуваевым. Даже не знаю, какой вариант ухода предпочтительнее, какой выбрать.

Так или иначе, истории повторяются.

Кто такой Разуваев?

О Разуваеве расскажу непременно. Примечательный своей непримечательностью человек.

Или персонаж. Это уж вы сами решайте.

Увлечение писанием вносит в жизнь человека немислимую сновидную сумятицу. День перемешивается с ночью и в душе образуется вялое такое мерцание, наподобие петербургских белых ночей.

Однако жениться когда-нибудь придется.

Почему?

Не знаю.

Вообще в моих заметках (почему бы не назвать все это заметками?) множество покинутых. На первый взгляд может показаться – перебор. Но это не так. Поговорите со своими друзьями, товарищами, знакомыми, малознакомыми и вовсе незнакомыми. Если вам удастся расположить их к себе, вывести на хоть сколько-нибудь откровенный разговор, уже на пятнадцатой, максимум, шестнадцатой минуте беседы вам сообщат, что кто-нибудь когда-нибудь кого-нибудь покинул.

А в большинстве случаев выяснится, что покинули как раз вашего собеседника.

Господи, да что там говорить? Вспомните свою собственную жизнь.

Вот и следующий эпизод, собственно, о том же.

Представьте.

Иннокентий Иннокентиевич Разуваев пишет письмо некогда преданной, и, вдруг (то есть совершенно неожиданно, кажется и для нее самой) предавшей его жене.

Представьте.

Однажды утром Иннокентий Иннокентиевич проснулся и обнаружил, что жены больше в доме нет. И произошло это в тот момент, когда Иннокентий Иннокентьевич как раз нуждался в ней, точнее в том самом стакане воды, о котором говорят всегда и все, если вспоминают о предстоящей беспомощности.

Разуваев умирал с похмелья. Не фигурально, а по-настоящему. С испекшейся головой, разверзшейся в кошмаре душой, матовым шаром в груди и омертвевшими конечностями.

Одному Богу известно, как он выжил тогда.

Богу и больше никому.

Перед тем, как приняться за письмо Иннокентий Иннокентиевич Разуваев освобождает холостяцкий уже свой стол от грустной посуды, тщательно протирает его бывшим вафельным полотенцем, бережно, точно сапер мину опускает на изрытую оспой столешницу еще не лишенный иллюзий лист бумаги и задумывается, – *Сколько же времени прошло?*

Пишет, *прошло...*

Пишет едва удерживаемым шепотом хвостиком химического карандаша.

Мысль зажимается и зевает, *посчитать, посчитать...*

Что посчитать? зачем посчитать?..

Шепот погружается в рот, губы Иннокентия Иннокентьевича синеют как у Пьеро, что закономерно, так как будущему письму, вероятнее всего, грозит драматическая судьба.

Теперь зажимается и зевает уже сам Иннокентий Иннокентьевич, *только чай, крепкий чай, теперь только крепкий чай.*

Чай?

Чай.

Вот это – напрасно. А вот это – напрасно

Хотя и неплохо было бы. Хотя – вовсе и не факт.

Анекдот.

По этому поводу был какой-то анекдот. Какой анекдот?

Надо бы вспомнить, что ли?

Хорошо, напрягусь, вспомню, а кому рассказывать?

И не факт, что анекдот смешной. Назидательный? Да. Однозначно. Но вот смешной ли?

Назидание и смех редко сочетаются.

Никогда.

Ну и зачем нужен такой анекдот?

Отстань.

Прошло... прошло... семьсот шестьдесят семь дней. Ровно семьсот шестьдесят семь дней

Однако какая память?! Какая все-таки память?! Да, анекдота не вспомнил. Так он и не нужен. Но устный счет! Устный счет – это, доложу я вам... Память, стало быть, на месте. Все же не зря мучили меня в детстве этими задачками. Страдания неопишутельные. Однажды над такой задачкой вот этим самым карандашом ткнул себе в глаз. Не нарочно. Испугался! Думал, буду одноглазым. В девять-то лет лишиться глаза!

Или в восемь?

Нет, в девять, в девять, точно...

Своим письмом Иннокентий Иннокентьевич не ставит задачи вернуть жизнелюбивую ослепительную Валентину, так зовут бывшую жену Иннокентия Иннокентьевича. Мало того, сама мысль о возможном ее возвращении вселяет в его душу беспорядок и озноб. Скорее письмо это должно стать неким отчетом перед самим собой о прожитых семистах шестидесяти семи днях взрослого самостоятельного мужчины, способного к независимости в суждениях и поступках.

Поступков было мало. Поступков, признаться, совсем не было. Что же касается суждений, они, конечно, присутствовали, но, вот странность, едва вспыхнув, тотчас угасали как слабые спичечные язычки.

Причина короткой и бесполезной жизни суждений – крошечное отсутствие оппонентов.

Собеседников действительно не стало. Те, что представляли интерес, спились или умерли, а те, что и прежде были малосимпатичны Иннокентию Иннокентьевичу, спились в едином брожении, на что, конечно, имели право.

Да, имели право. Но не до такой же степени?!

Конечно, более ослепительным было бы число семьсот семьдесят семь, но Валентина снилась сегодня всю ночь зачем-то танцующая с молодыми жирными слонами, а потому выждать еще десять дней было бы неправильным, раз уж такой знак.

Как Иннокентий Иннокентьевич определил, что жирные слоны были молоды?

Очень просто. Они были голыми.

Обыкновенно, нагота животных – данность и остается за скобками. Нагота же этих слонов просто кричала.

Иннокентий Иннокентьевич не умел и не любил танцевать.

Валентина танцевать любила.

Поэтому Иннокентий Иннокентьевич никогда не водил Валентину в ресторан.

В принципе, размышляет Иннокентий Иннокентьевич, семьсот шестьдесят семь – тоже знаменательное число. Шестерку посередине вполне можно трактовать как примету тревожности, а, возможно... возможно – что? как еще трактовать?

И вообще, что он сегодня? и кто он сегодня?

Разуваев

Иннокентий Иннокентьевич.

Разуваев?

Иннокентий Иннокентьевич?

Разуваев.

Иннокентий Иннокентьевич.

Шестерку посередине вполне можно трактовать как примету тревожности, а возможно и... обреченности.

Обреченности?

Обреченности.

Вот именно, обреченности

Былую ненависть сменила не добрая память, как обыкновенно случается, а обреченность.

И дело вовсе не в хроническом воспалении внутреннего уха. Здесь что-то другое, сродни падению римской империи...

Свои бесчисленные фотографии Валентина всегда подписывала «на добрую память». Не дура ли?

Прошу простить великодушно.

Обреченность. Или никчемность. Никчемность, пожалуй, точнее

В самом деле, за два года в жизни Иннокентия Иннокентьевича не произошло ровным счетом ничего.

Ничего!

Если так пойдет и дальше, рассуждает он...

А что будет, если так пойдет и дальше?..

Если так пойдет и дальше?.. и дальше ничего не произойдет?

До смешного, честное слово: за подотчетный период даже дети за окном со своей бесконечной и бессмысленной игрой нисколько не поменялись. Складывается ощущение, что они перестали расти.

И сам Иннокентий Иннокентьевич перестал стареть. Еще вчера наливавшийся как у индийского божества живот опал, седина принялась желтеть. Даже щетина уснула, и процедура каждодневного бритья потеряла всякий смысл.

Прошло семьсот шестьдесят семь дней... сколько же это в часах?

Посчитать, обязательно посчитать

Вот и Фрунзе в тюрьме тренировал свою память математическими упражнениями. До Фрунзе ему, конечно, далеко. Хотя и Фрунзе при определенных обстоятельствах мог быть не Фрунзе, а Разуваевым. Иннокентием Иннокентьевичем мог бы быть.

Да ну?

А почему нет?

Да потому что Фрунзе – это Фрунзе, а Разуваев – это Разуваев.

Вот как вы ставите вопрос?

Именно так.

Ну, и ладно. Сейчас речь – не об этом. А о чем сейчас речь?

Теперь Фрунзе как-то по-другому называется.

Там теперь, наверное, жара!

Когда-то хотелось побывать во Фрунзе! Теперь уже не побывать.

Теперь уже нигде не побывать.

Муравейник разрушили, куколок растащили.

Каких куколок?

Были в муравейниках куколки какие-то. На рис похоже.

Черт знает, что в голову лезет!

Да, взрослому самостоятельному мужчине жизненно необходимы оппоненты. Где же их искать?

А может быть оппонентом, предположим... предположим... образно... иносказательно лист бумаги?

Почему иносказательно? Лист бумаги – чем не оппонент? Нет?

Нет, скорее всего

А вот мы и рисуем ему черта.

Кривясь и постанывая Иннокентий Иннокентьевич изображает черта.

Черт вышел похожим на слона из сновидения.

Вернулась дума о Валентине.

Но почему слоны? Откуда слоны? Что означает этот их танец?

Однако все женщины достаточно распуцены в складках и помыслах своих.

Вот никогда не любил Иннокентий Иннокентьевич этих ребячьих разговоров о женщинах. Находил их пошлыми и... не от большого ума. А, надо же, прожил жизнь, и сам пришел к тому же.

Нет, это все от обиды, конечно... обида делает человека глупым, если не сказать больше, куда же больше? но...

Что, не могла она подобрать себе менее двусмысленных животных? Каких-нибудь зайчиков?

Теперь еще зайчики. Ну что за бред, в самом деле?

Да зайчик тотчас убежит, если увидит Валентину. Она располнела в последнее время. Как слон.

Тьфу, ты черт! Опять слон.

Валентина располнела в последнее время. Это – от мороженого. Нельзя в таком количестве употреблять мороженное. Сколько раз я замечал и указывал ей на пагубность назойливого, всеядного, дурашливого, грудастого сладострастия.

Негоже.

В нашем возрасте...

Да в любом возрасте...

Мороженное – только верхушка айсберга.

Вот насекомых она боялась.

Боялась и сторонилась. Очень страшно ей было с насекомыми

А со слонами танцевать ночь напролет не страшно?

Да только ли танцевать?!

Иннокентий Иннокентьевич несколько раз просыпался с тем, чтобы сходить по нужде. Что происходило за время его отсутствия?

Обожает Мопассана. Все понятно?

Все женщины обожают Мопассана. Как с этим жить?

Нет, мужчины намного проще и... целомудреннее. Да, мужеские анекдоты бывают скатными

Да, мужчины иногда, подчеркиваю, иногда, волочатся. Но как они волочатся? Вот он (мужчина) на смелится сказать или предложить что-нибудь этакое барышне. И скажет, бывает. А вы загляните ему в глаза? Сколько в них смущения и робости?

У мужчин единственный порок – пьянство. Но порок ли это, если вдуматься? В сравнении с грешными женскими тайнами.

Мужчина, если ему хочется выпить, прямо так и говорит, – Хочу выпить.

Или ничего не говорит, идет и выпивает.

Но он не шелестит по углам, не лжёт, не изворачивается, а если и лжёт, единственное, с тем, чтобы не раздосадовать жену. Опять же благородство.

Иннокентий Иннокентьевич поднимается из-за стола, вынимает из холодильника водку, наливает полстакана, не морщась (читай, не позирруя) выпивает, щелкает пальцами, потягивается и возвращается к столу.

Прошло...

Сколько же прошло?

Какая разница? И вообще все эти подсчеты смешны. Ушла и ушла!

Куда?

К слонам. Смех, да и только

Эти слоны – коварные животные, на чертей похожи. Вот, черт на бумаге – вылитый слон. Их изображают похожими на козлов, да козлы – милейшие, трогательные твари. Не то, что слоны.

Слоны.

Глазки маленькие.

И хоботы.

На что они намекают своими хоботами? Понятно, на что.

Было же сказано – яблок не трогать! Что, действительно так хотелось яблока? Это же – не баранины кусок. Висит и висит себе. Еще не факт, что оно не кислое. Нет же! Давай сорвем! Кусай, пробуй!

Адам, конечно, не семи пядей во лбу был. А, может быть, просто такой доверчивый человек. Наверняка доверчивый добрый человек. Предложили яблоко – отказаться как будто неудобно. Могут неправильно понять, и все такое.

Интересно, каким он стал в старости?

Что с зубами? Как он переносил зубную боль? Тогда стоматологов еще не было.

Как? Пил водку. Чаем боль не унять, хоть заполощись. А что еще можно придумать в подобных обстоятельствах?

Иннокентий Иннокентьевич поднимается из-за стола, вынимает из холодильника водку, наливает еще полстакана, выпивает, щелкает пальцами и смотрит в окно.

Дети гоняют ультрамариновую на солнце кошку. Кошка забирается на высокое дерево почти вровень с окнами Иннокентия Иннокентьевича и смотрит безумными глазами то на Иннокентия Иннокентьевича, то – на своих обидчиков.

А была бы ты петухом, черта с два забралась бы на это дерево, справедливо рассуждает Иннокентий Иннокентьевич. Петухи-то по деревьям не лазают.

Вот и о кошках поговаривают всякое. Между тем, кошки – ласковые и чистоплотные животные. И уж если у них случаются такие эпизоды, это не кошки виноваты. Природа все так устроила. Кошка не может сложно рассуждать, у нее голова маленькая, мозга в ней – с гулькин нос. Наступает пора – да, она кричит, требует кота, но в то время себя не помнит. Это – болезнь. Кошачье слабоумие. Вот проходит неделя, другая, кошка выздоравливает и все, и никаких чудачеств. И вообще не факт, что ей кота хочется, может быть, она по будущим детям скучает.

А уж чтобы целенаправленно отправиться танцевать со слонами?! Боже упаси!

Иннокентий Иннокентьевич возвращается к столу.

Прошло...

Сколько же прошло, кто его знает? И зачем это?

А если это переложить на ноты? Что? Это.

Причем здесь ноты? Гармонисты нот не знают, и ничего. Никто еще не умер. Что значит, не умер? Что же они бессмертны, что ли? Черт знает, что в голову лезет.

Частушки да страдания. Какие частушки?

Разные. Их много, частушек этих, что-то ни одна в голову не приходит.

А еще хвастался – память, память...

Иннокентий Иннокентьевич кладет голову на руки и вскоре засыпает. Ему снится Ноев ковчег: нелепая конструкция с зебрами и попугаями посреди пенного океана. В скоплении животных угадываются фигуры черта и Валентины. Валентина в объятиях Лукавого торжествующе улыбается и косится в сторону Иннокентия Иннокентьевича.

Тоскует, сучка, – думает во сне Иннокентий Иннокентьевич, – хочет вернуться. Надо бы прибраться на всякий случай.

В руках у меня та самая изысканная куриная шейка, что не съедается разом. И нужно долго разглядывать ее при дневном свете и при свете кухонной лампы, дабы высмотреть озорные капельки жира, проступившие на тонкой белесой пленочке. И, с тем, чтобы вдоволь насладиться ее ароматом, продолжительно повертеть в пальцах, как ласкают дорогую сигару. И только после этого взорваться от мысли, что вовсе это не куриная, но лебединая выя.

Взорваться и оцепенеть навек.

Через год нашу Родину, добавлю, всем Родинам Родину, вместе с родителями, детьми и внуками ее постигла долгожданная свобода, каток мой однажды ночью своровали, вероятнее всего, чтобы сдать на металлолом, и я стал безработным.

Еще через три месяца я получил первое в своей жизни письмо от отца отца, в котором он извещал меня, что его сын (мой отец) давным-давно умер вследствие психической травмы, что он (отец отца) живет один, что он накопил изрядные средства, что девятого января ему аккуратно исполняется сто лет, что он приглашает меня, единственного оставшегося у него родственника, на юбилей, хотя справлять его он ни при каких обстоятельствах не собирается, что является наиболее разумным решением в сложившихся обстоятельствах (о самих обстоятельствах он умолчал). Вообще приглашал пожить, осмотреться, присмотреться, поработать и развлечься, как следует, помочь посчитать или потратить деньги, и прочее, и прочее.

Теперь самое главное.

Ему (отцу отца) кажется, что городок Суглоб, где он собственно и проживает и есть та самая Гиперборея, о которой я рассказывал ему на кухне, когда мне было шесть лет.

Первая мысль, что посетила меня, по прочтении письма, была такова: *старик тронулся. Вслед за мной. Ничего удивительного к ста летам-то.*

Что касается траты денег, бедный Кит ошибся адресом. Я сдачу-то толком никогда не умел сосчитать. Хотя более сложные задачи, например моментальное перемножение цифр на номере пронесшегося в двух шагах автомобиля я решаю с легкостью и иронией. Ирония заключается в том, что он-то (автомобиль) рассчитывал испугать меня, а вместо того получил новое число, которое впоследствии предопределил его судьбу.

С числами, сами знаете, шутки плохи.

Разгадка близка – размышлял я, рассматривая бывшее фотографией акварельное пятно в паспорте, подле которого значилось, что Благово Андрей Сергеевич родился в селе Суглоб. В те времена подземной фабрики еще не было, и Суглоб значился селом. Хотя, судя по высокопарности названия, селом себя никогда не считал, что дает мне все основания считать себя стопроцентным горожанином.

Если выбирать между сливочной пасторалью с игрушечными лужайками и городским пейзажем с проволоками и глазницами окон, я выберу последнее.

Животные – не в счет.

Сомкнулось и переплелось, размышлял я.

Моя, казалось на века плененная водорослями, щупальцами и тиной, рябая лодка по имени Судьба неожиданно для себя совершала маневр.

Разгадка всегда проста до неприличия, размышлял я, собирая пожитки.

Вот и весна.

Как же я раньше не сложил и не сопоставил интуицию с информацией?!

Ужели Суглоб и есть Гиперборея? Так просто?

Близорукость и мишень, пустыня и шампанское, старик Вольта и дуга, туман и крюк, сон и выстрел...

Карту, скорее карту, скорее, скорее карту...

Нет карты. И быть не может.

Почему?

Из-за подземной фабрики.

Подземная фабрика была закрытым объектом

Безусловно, разумеется.

А как же?

Иначе и быть не может. На то она и *подземная*.

Будь она обычной фабрикой, к примеру, чулочной или спичечной, не исключено и даже наверняка о Суглобе знали бы многие. Во всяком случае, курильщики и модницы – точно. А так получается, что вроде бы Суглоб есть, а вроде бы и нет его. Город – невидимка.

Где вы родились?

В городе – невидимке

То-то я вижу, вы как-то двоитесь у меня в глазах, двоитесь и расплываетесь.

Это я просто позавтракать не успел. Или – это я только что газировки попил.

Ну, и так далее.

Шутка.

Ну, что же, ну что же? Ничего страшного. И ничего страшного. Многое объясняется. Вот, оказывается, где собака зарыта.

В предвкушении эпохальных событий потираю руки.

Фабрика зарыта, собака зарыта. Теперь все ясно. Фабрика сокрыта, Суглоб сокрыт. Гиперборея сокрыта.

Слепота и витраж.

Фабрика до такой степени сокрыта, что об ее существовании даже сами суглобляне не догадываются.

Хотя и работают на ней.

С несмышленных лет знал о той фабрике.

Из шепота.

У меня особый слух на всякий шепот. Я шепот различаю даже лучше, чем полуденные звуки.

Кто-то или что-то нашептывало мне, в особенности сразу после пробуждения *фабрика, фабрика, фабрика...*

Бодрый такой, призывный шепот.

Кто-то при пробуждении слышит музыку, кто-то далекий собачий лай. Мне в жизни повезло познакомиться с человеком, который слышал, как ссорятся ангелы. Доступные его слуху ангелы отчего-то постоянно ссорились. Но ссоры их больше напоминали воркование голубков. Так что еще неизвестно, действительно ли ангелы ссорились или просто беседовали на своем языке за невидимыми чашками чая.

В детстве мне представлялось, что подземная фабрика называется Дрезден. Так что для меня Дрезден был не городом в Германии, а подземной фабрикой в Суглобе.

Почему Дрезден? Бог его знает.

Дрезина, дребезжание, брызги, вдрызг.

Такой серенький морозящий дождик и железо. Дрезден.

Ерунда, конечно.

В детстве мне представлялось, что подземная фабрика произрастает трубами вниз. Вот интересно, куда уходит дым? Что там, специальный дымоход? А хоть бы и так.

Наверное, и рабочие там ходят головами вниз.

А что? Ничего особенного. Существует же такое выражение «ходить на головах». Откуда-то пошло это выражение?

Ну, теперь той фабрики, наверняка, нет. Впрочем, если ее и нет больше, об этом никто не знает. Суглобляне – народ работающий, все равно ходят и работают.

Далась мне эта фабрика?

Не слишком ли все просто, чтобы быть правдой?

Я находил приметы вечности в дальних и близких знакомых, бережно коллекционировал, обобщал и систематизировал их, а вот поинтересоваться, откуда они родом, не удосуживался. Например Бабка Варвара, поклонница уринотерапии, бабка Дарья, *политический обозреватель* задолго предсказавшая Америке *черненького*, вечно пьяный печник дед Устин, еще люди...

Наперекор чудовищной официальной статистике смертности довольно внушительный список. Ужели все они – суглобяне?

Маловероятно.

Нет, не может быть.

Вот, к примеру, это я знаю точно, целенаправленно убивший себя, помочившись на оголенный провод, матерщинник и рыболов дед Прохор, в бессмертии которого практически никто не сомневался, родом из Хабаровска.

А что, если, предположим, дед Прохор, как и я, родился-таки в Суглобе, потом был перевезен в Хабаровск, а про то, где родился, забыл? а потом...

Нет, не то. Слишком запутано.

Гипотеза должна быть внятной и простой как бельевая веревка, в ту пору, когда она отдыхает перед стиркой.

Мне думается, что в морозные дни бельевые веревки должны гудеть. По-моему я даже слышал то гудение. Но не придал значения, ибо мысли мои были заняты совсем другим.

Догадайтесь, чем?

И потом, не нравятся мне такие вот *случайные* прозрения. Не верю я в них.

Случайные потому, что письма, согласитесь, могло и не быть. Письмо могло быть не написано, потеряться в дороге, сгореть в пожаре на станции, наконец, уйти по схожему, но совсем другому адресу...

Вообще слово *случайность* рождено, как мне кажется, нашим бессилием перед приметами, развилками и знаками.

К примеру, встречаете вы на своем пути кошку. Самую обыкновенную, не черную, подчеркну особо, но пеструю какую-нибудь облезшую бездомную кошку, и думаете...

А, скорее всего, ничего не думаете. Проходите мимо, и все.

Чаше даже и не замечаете ее.

А, между тем, кошка эта встретила вас не просто так.

Я бы назвал ее *указующей кошкой*.

Но, как понять, что и зачем указала она нам?

И что такое она сама?

Какой смысл или власть содержит в себе?

Неведомо.

А что, если, все мы, весь, так сказать, русский улей родом из Суглоба? Что если там была Пасека?

...со временем к древним диким пчелам присоединились новые пчелы, и золотистые, и белые, и красные, и рябенькие с хитрыми, как у рысей глазами. Пчеловоды понастроили

для них и их смешанных потомств новых удобных и современных пасек. Про Суглоб, в связи с явлением фабрики, забыли, но...

Это не означает, что та первая материнская Пасека канула в Лету. Стоит себе, как миленькая, жмурится на солнышке и улыбается, дескать, ну-ну...

Так или иначе, я немедленно отправился в путь, и мое невидимое путешествие приобрело вполне реальные черты плацкартного вагона с затылками и пятками, погруженными в наркоз грузной пляской колес и тесным запахом копченой рыбы.

Как я уже докладывал, прежде приметы лучезарной державы и ее потомков я выискивал в повседневности. Как говорится, *на ощупь*.

Первоначально фортуна не благоволила мне. То и дело приходилось сталкиваться с персонажами, погасшими уже на первых порах своей жизни. Ничто не удивляло их, и сами они удивить ничем не могли. При всей разнице в возрасте, комплекции и длине носа, они изумительно походили друг на друга. Складывалось впечатление, что произведены на свет они были одной матерью, вечно нуждающейся, чисто формально верующей в Спасителя, никогда не знавшей страсти, нещадно битой мужьями, то и дело вдовствующей и питающейся исключительно кислой капустой.

Вероятнее всего мне не везло, так как я был мал и робок, и круг моего общения был чрезвычайно ограничен.

Постепенно, по мере взросления, предо мной открывались новые пространства. К тому же изменились времена. В свободном теперь Отечестве зачастило солнце, стало теплее, чем прежде. Появились новые цветы, резиновые женщины, петарды и кальян. Педерасты, престижисты и воры сделались всеобщими любимцами и властителями дум.

Как я уже говорил, меня выпроводили с работы, и у меня образовалось много больше времени для исследований. Как раз среди населивших улицы бродяг, торговцев и слепых я стал встречать, как мне казалось, настоящих гипербореев.

Лучезарная держава возвращается, радовался я своим находкам, да она, по всей видимости, нигде и не исчезала, только, как бы это лучше сказать? точно запах или дыхание затаилась в воздухе, воде, выражении глаз, и так дальше, а теперь, когда все переменялось...

Однако восторженность моя длилась недолго. Пронзительные дни довольно скоро составились, фигуры из моей коллекции стали портиться: болеть, тускнеть, трескаться и ветшать. Многие уснули или просто закрыли глаза.

Дед Прохор, как я уже докладывал, помочился на провод.
Я впал в уныние.

Вот именно тогда я и получил судьбоносное письмо от отца моего отца.
Можете представить себе мою реакцию.

Разумеется, я немедленно отправился в путь.

Все, что я теперь записываю – чистая правда от начала и до конца. Человеческий документ и репортаж... Почему бы не назвать мое писание репортажем?

И немедленно отправился в путь.

Итак, мое главное путешествие началось с плацкартного вагона с затылками и пятками, погруженными в наркоз грузной пляской колес и тесным запахом копченой рыбы.

Кажется, наркоз подействовал и на меня. Хотя уснуть я не мог, душевные и телесные движения мои прекратились. Последнее перед анабиозом видение мое было продиктовано верблюжьей степью с частоколом телеграфных столбов, и довольно скоро сам я сделался верблюжьей степью с частоколом телеграфных столбов.

Должен заметить, состояние степи в известной степени возвышает человека, вознося его над суетой и временем. В состоянии степи человек более всего приближен к любви. Не к влюбленности с ее электрическими ужимками и слабостью в коленях, а к лакомому как вышивание гладью или вечерний свет созерцанию небытия. И телеграфные столбы в данном случае символизируют не что иное, как законченность и совершенство. На мой взгляд, «Черный квадрат» был создан Малевичем в состоянии степи.

Или взять вышеупомянутого Джексона Поллока.

Если обратиться к вышеупомянутому Джексону Поллоку, какое тотчас развернется чувственное пространство! Об этом можно поговорить подробнее, но стоит ли отвлекаться? Можно потерять магистральную мысль.

Магистральная мысль. Магистраль – степь – столбы. Все рифмуется.

Прошу заметить, в моих заметках нет ни единого случайного слова.

Наверное, приличнее было бы промолчать. Наверняка. А что, если я так и останусь единственным читателем своих репортажей? Где почерпну я ту малость похвалы? что есть для автора и воздух, и молоко, и поцелуй перед сном.

Так что иногда я буду хвастаться. Прошу не судить строго.

Вообще-то, я – *сам себе великий инквизитор*, только виду не подаю.

Так вот, если вспомнить Джексона Поллока...

Впрочем, оставим Поллока на десерт, а сами вернемся к путешествию.

Итак, мне казалось, что я блаженствую.

Наверное, скорее всего так и было.

И, наверное, и скорее всего, и наверняка я пропустил бы свою станцию, когда бы ни посланный мне свыше Продин.

Тишайший, без признаков храпа и бормотания, Продин свалился с верхней полки, точно мешок с углем.

Если вам когда-нибудь приходилось иметь дело с такого рода мешками, вы наверняка обратили внимание, что при перемещении, а, тем более, при опускании их на землю, они, как некоторые виды глубоководных рыб при извлечении из воды бесшумно взрываются хмурым облаком. То же самое при падении случилось и с Продиным.

Короткий мягкий звук и дальше продолжительная тишина.

Все произошло мгновенно.

Так что спящие остались спящими.

Я же, поскольку взгляд мой не прерывался, не без грусти расставшись с верблюжьей степью и ее телеграфными столбами, встретился глазами с глазами павшего своего попутчика, полными нежности и боли.

Пожалуй, только теперь, когда я по памяти записываю эти свои наблюдения, я начинаю осознавать, сколь значительную роль в моей жизни сыграла встреча с этим человеком.

Правильнее сказать, я чувствую это.

Выводов пока не сделал – логика ускользает. Не исключено, что мне так и не удастся ухватить ее за хвост.

Случаются такие беседы...

Да.

Итак, наши глаза встретились.

Ненадолго.

Неловкая ситуация очевидно смущала Продина, и он, прервав наш немой диалог, уселся на мою полку подальше от меня и принялся рассматривать стенку напротив.

Я вернулся к окну.

Молча, ехали мы довольно долго. Минут пятнадцать или двадцать. Во всяком случае, так мне показалось.

Наконец Продин изрек, – Ну, и где же эта самая Америка?

– Простите? – я действительно был обескуражен его вопросом. Да любой на моем месте растерялся бы.

– Не видно там за окном Америки?

Я притворился, что оценил его юмор и деланно засмеялся, – Ха-ха...

По-видимому, Продину удалось успокоиться, и теперь его взгляд приобрел металлический оттенок, – Смеетесь?

– Сам не знаю.

Когда Патрик Браун, фермер из Аризоны (не путать с одноименным псом, речь о котором пойдет позже) впервые увидел свою избранницу по переписке Джейн Салмин, еще вчера Женьку Соломину, уроженку поселка Северного, она в клочьях характерного для пасторали

неподвижного тумана выглядела в точности как чеховская дочь Альбиона. Хотя Чехов здесь ни при чем, и упоминать его не следовало бы.

Примерить высокий образ посоветовали ей подруги, имевшие твердое убеждение в том, что смесь скромности и величия, пусть и ценой значительных уступок природной красоте, навсегда покорит угловатого американца.

Угловатый американец, неожиданно для себя впавший в чудовищную неловкость выпил лишку и, неожиданно для себя, под предлогом знакомства со скакуном, за глупость и вредность названным Шаровая молния, изнасиловал Джейн прямо в конюшне, на глазах у животного.

Молодая женщина, биография которой, не смотря на возраст, хранила много тайн и три замужества, впервые испытала то особое состояние, которое можно условно назвать долгожданным внутренним взрывом, и плакала она не от обиды, но от потрясения. Полон раскаяния и нахлынувшего бессилия, отдельно, не решаясь обнять новоиспеченную жену, плакал и Патрик.

На вопрос примчавшегося на стенания молодых старинного друга, бродяги и знатока России Эстебана Хаммервиннера, *что случилось?* неожиданно для себя фермер произнес, — *Стемнело.*

Зачем я вспомнил эту историю?

Ах, да, вам еще встретится имя Патрик Браун, в неожиданном, так сказать, преломлении.

Вывод: *мир полон непостижимых закономерностей.*

И еще: *Америка не так далеко, как нам кажется.* Трудно не согласиться с Продиным.

Иннокентий Иннокентиевич Разуваев пишет письмо решительно отвернувшейся от него и тотчас, до неузнаваемости, погрузившейся в тяжелый пар прошлого жене Валентине.

Перед тем, как погрузиться в пар, вечером, накануне жена Валентина, как ни странно, азартно лузгала семечки, вдохновенно поминала inferнальную бабушку Вангу и даже смеялась над мерцающим скудоумием телевизора, привлекая к веселью и крепко выпившего Иннокентия Иннокентьевича. А к утру растворилась, как говорится, без следа.

Была Валентина, и нет Валентины.

Впрочем, какое-то время по пробуждении, Иннокентию Иннокентьевичу грезилось ее присутствие. Он как будто различал шаги на кухне, несколько раз наблюдал юркую тень цвета топленого молока. Иннокентий Иннокентьевич даже звал ее, с тем, чтобы она смогла осуществить маломальский уход за ним, беспомощным и располневшим лицом к утру.

Тщетно.

Была Валентина, и нет Валентины.

Именно так нередко уходят русские жены.

Навсегда.

Перед тем, как приняться за письмо, Иннокентий Иннокентиевич Разуваев, не забыв высунуть, как полагается в таких случаях, самый кончик языка, долго разглаживает шерша-

вый лист недорогой бумаги, зачем-то тщательно протирает вафельным полотенцем одинокую чашку с высохшей вишенкой на боку и, наконец, замирает в преддверие, – *А что, когда бы она не ушла? Вот было бы...*

Пишет, Вот...

Рифмуется с неприличным...

Теперь все так и норовят рифмовать с неприличным. Все без исключения и всё без исключения. Это заразительно. Даже культурным, чистым в каждодневных скромных деяниях своих людям, нет-нет, да и напросится на язык что-нибудь подобное.

Почему так?

Человечество переживает новое отрочество? Похоже на то. Здесь и восторг от наготы в целом, и особенное любопытство ко всему, что связано со срамом.

Молодеем, Слава тебе, Господи...

Нет, не то, что-то другое. Отрочество – это, прежде всего, смущение, неловкость. Здесь же бессилие. Жестокость откуда-то. Другое.

Устали?

По-видимому, устали.

А от чего, собственно устали?

А какая, собственно, разница? Важно, что устали. Устать можно от чего угодно.

А от радости можно устать? Конечно! Еще как! Попробуй-ка задержать улыбку минут этак на пятнадцать, да меньше даже, что с лицом станется?

Да.

Но, в большей степени, устали, конечно, от неприятностей и унижений. Это потому что самих неприятностей и унижений больше. Не зря говорят, преисподняя – не что иное, как наша эта земная жизнь. Здесь тебе и удавки скользкие, и трамваи черные, и печной яд, и...

Нищета. Ох уж эта беспробудная, безразмерная, бесконечная нищета!..

Но, это уж совсем мелко. Еще не хватало на нищету жаловаться.

Где нищета? Какая нищета? Нет никакой нищеты.

Есть, что выпить. Всегда. Есть, что забросить на желудок. Всегда

Есть с кем поговорить. Что еще нужно?

И сон крепкий. Иногда.

Вот.

Написано. Мною.

И что это за вот? Что подразумевается под этим вот?

Что я делаю? Пишу письмо.

Кому? Валентине.

Зачем? Представления не имею.

Вот.

Иннокентий Иннокентьевич облизывает кончик химического карандаша и, рискуя порвать хлипкий лист, повторно обводит свое *вот*.

Вспомнил. Вот бы она не ушла?!

Ну, что же, давай, давай попробуем, давай представим себе себя лет этак через двадцать – двадцать пять.

А зачем себя? Давай-ка ее, голубушку, представим лет через двадцать – двадцать пять. Это, доложу я вам... это такое...

Иннокентий Иннокентиевич неожиданно для себя и окружающих его неподвижных сумерек разражается смехом. Присвистывает и брызжет, что тот раздавленный апельсин. До слез смеется. Долго. А утихает враз, как будто чья-то невидимая рука выключила свет.

Ох уж эти старухи – головки круглые, тельца жалкие, а перышки, не все, отдельные, все еще топорщатся.

Вообще есть связующая нить между женищинами и старухами?

Нет, однако. Второе никак не может быть продолжением первого. Ничего же общего, ну, вот просто ничего общего. И взгляд – вранье. Другой взгляд, совсем другой. Ничего общего с тем взглядом, который... который...

Иннокентий Иннокентьевич подходит к покрытому изнутри неподвижными белесыми пузырьками обломку зеркала, смотрится, ощупывает свое лицо, точно чужое.

Зенит.

Не знаю, к чему относится это слово, и зачем оно вообще. Но чувствую, здесь оно просто необходимо.

Зенит.

Вполне узнаваем, рассуждает Иннокентий Иннокентиевич уже вслух. Следы времени обнаруживаются, конечно, но... язык синий, отчего синий язык?

Да что же это?

Уф, это же химический карандаш.

Снова смеется

Сколько мне с таким языком дать можно? лет шесть? Меньше. Три, четыре года. Как раз, когда мне было три или четыре года, в точности таким же химическим карандашом я случайно поранил себе глазное яблоко. Испугался! думал, ослепну...

Иннокентий Иннокентиевич без определенных соображений следует на кухню.

Добредает до холодильника.

Останавливается, возвращается.

Однако как дети боятся смерти! Пожалуй, что самый сильный страх перед смертью бывает у человека именно в детстве. Потом страх этот тлеет, истончается. Годам к сорока человек вполне может быть бесстрашным, если, конечно, он не неврастеник... где же нынче найти не неврастеника?

Допустим, годам к сорока человек относительно покоен.

А что потом?

А потом страх возвращается мало-помалу

Что же получается?

А то и получается, что к старости люди возвращаются в детство. Вопиюще ветхая, до дыр затертая мысль. Стоило огород городить вокруг такой-то тошнотворной истины?..

Иннокентий Иннокентиевич на этот раз уже осознанно направляется к холодильнику, извлекает початую бутылку водки, некоторое время изучает ее, ставит на место, возвращается, усаживается за стол.

Вот бы она не ушла?.. Изобразить Валентину лет этак через двадцать – двадцать пять...

Старухи – это все же особая порода. Что же в них этакое, особенного, в старухах?

*Напоминают детей. Ну да, ну да, напоминают детей
Дети ведь рождаются одутловатыми?*

Точно.

И себе на уме.

Точно.

Взрослые сюсюкаются с ними, умиляются. А дитяtko свою думку думает, и выгоду свою быстро понимать начинает. Точно, точно.

Может быть, конечно, грех говорить такое. Но я же знаю, по себе помню. Я детство хорошо помню. В особенности этого, ужас, что дед убил лопатой в огороде. Омерзительное зрелище. Сейчас убийство – обычное дело, а прежде с этим строго было. Убийство прежде очень волновало. До дурноты...

Воронка из мыслей. Не пропасть бы.

Воронка – штука коварная. Щекочущая, сладковатая. Затянет в миг. И глазом не моргнешь, как ослепительно черной точкой сделаешься.

Что-то горло сушит. Отчего это горло сушит? Вроде бы пил вчера только чай?

Чай, чай... что в чае том находят? Да ничего. Все – иллюзия. Как и сам Китай.

Что, разве есть такая страна Китай? Я лично не видел. А почему я должен верить тому, чего не видел?

Вот ведь пакость – человек. Все ему нужно проверить потрогать. Но – так уж устроен. А как иначе, когда вокруг целый океан лжи?

Лгут, лгут, лгут. Все. Ребенок сконструировал первое слово. Сказал «мама», предположим. Чаще всего этому слову обучают малышей. Сказал, а сам представления не имеет, что он такое произнес, что обозначает произнесенное им звуко сочетание.

И тотчас обрушивается на него восторг и рукоплескания и его подхватывают и подбрасывают к потолку.

А нет никакой мамы. В сознании-то его нет никакой мамы. Есть некая теплая добрая женщина, чьим молоком он питается, как олененок или волчонок или бельчонок и дальше по списку.

Так что никакого Китая нет. Есть отвратительный дешевый мутный на просвет чай.

Оттого, что Китай выдумка – и глаза у них узкие, у китайцев этих. Как у новорожденных.

Вот уж если дурь привяжется, избавиться от нее бывает крайне трудно.

Старухи, старухи. Раскольников убил старуху

Почему не дворника, не извозчика? Почему на старухе именно воздвиг он свою философию? Или бред? Это уж как вам больше нравится.

Почему не дворника? Боялся дворника?

Ни в коем разе. Просто в дворнике он бы не смог разглядеть...

Не смог бы разглядеть...

Не смог бы... той уверенности... вот-вот, уверенности чудовищной. При общей кажущейся беззащитности. В дворниках такого нет. В дворнике нет той силы, которой противостоять хочется.

Доказал.

Что доказал? Кому доказал?

Не важно.

Ай, молодца!

Иннокентий Иннокентиевич идет на кухню, и на этот раз делает два больших глотка водки прямо из горлышка.

Ай-ай-ай!

Щелкает пальцами, подходит к окну

А ведь я через двадцать пять лет тоже не буду молод.

Нет, нет, нет, не могу я стать немолодым.

Я уже не стал немолодым

– Не ожидали Америки? – на этот раз искусственно смеялся Продин.

– Ну, почему же? – в унисон фальшивил я.

– А потому, что далеко не со всем, о чем без умолка рассуждаем всю жизнь, мы готовы встретиться, не потеряв головы.

Во мне затеплился огонек. *Собеседник достойный, только отчего-то наигрывает, наверное, недоумение от полета еще не оставило его.*

Вслух же я произнес следующее, – Откровенно говоря, не вспомню, когда последний раз думал об Америке.

– Только что и думали.

– ?

– Стоило мне озвучить это манящее слово, тотчас вспомнили. Что, манит слово *Америка*?

– Не знаю.

– Простите мне мой циничный тон. Это – так, само по себе, пустое, не придавайте значения.

Дальнейший, изрытый паузами, монолог Продина я окрестил для себя *ужинком черепахи*. Не совсем точно, потому что черепаха, как всякая прочая тварь, во время приема пищи получает удовольствие. Мой же собеседник казался блеклым и подавленным, как ожидание в поликлинике. А вот движения его рта чрезвычайно напомнили мне вышеупомянутое трогательное создание. Кроме того, у него была длинная, плохо выбритая шея и маленькая голова. *Ему пошли бы круглые очки или, еще лучше, пенсне, почему-то пришло мне в голову.*

Я сейчас не принадлежу себе. Упал

Я упал.

Вы видели, как я свалился?

Не поверите, первый раз в жизни.

Впрочем, я упал еще до этого падения. Фигурально.

Упал до падения. Смешно, правда?

В детстве я изумлял окружающих тем, что практически никогда не падал. Обычно ребятишки возвращаются со двора в синяках и ссадинах, выпачканные грязью или песком, я же всегда оставался чистым и невредимым.

Чистюля, говорила обо мне мама. Отец неприятно удивлялся – что это за мальчишка, который никогда не падает и не пачкается? Что же с ним дальше будет? С такими наклонностями он может забрести далеко.

Что имел в виду отец, я долго не понимал. А вот сейчас, кажется, проясняется.

Компенсация.

Все в мире находится в равновесии. Это – закон.

Боюсь, как бы в старости меня не разбила падучая. Что скажете?

При таком развитии событий это возможно.

Вы не врач?

Нет, вы – не врач. У врачей другие пальцы, да и уши другие. Я, конечно, детально не изучал их анатомию, но некоторые наблюдения имею. Итак, вы не врач. Ну, что же, это не так уж и плохо. По крайней мере, о некоторых вещах можно говорить, не оглядываясь. Вы понимаете, что я имею в виду?

Понимаете. Несомненно.

А, знаете, я теперь с радостью испытываю физическую боль. Нет, я не мазохист. Прежде мне казалось, что нет ничего страшнее физической боли, с содроганием читал о средневековых пытках, и все такое...

Оказывается, я не знал, что такое душевная боль. Душевная боль, изволите видеть, заметно меняет мировосприятие.

Хорошо бы сейчас посмотреть в зеркало. Наверняка я и внешне изменился.

Вы не обратили на меня внимания, когда садились в поезд? Хотелось, чтобы вы сравнили, как говорится до и после.

О чем я? Конечно, вы не обратили на меня внимания. Я неприметен. Меня часто с кем-нибудь путают, перевирают или вовсе забывают имя, я уже не говорю о дне рождения и так далее.

Ничего страшного. Я не переживаю. Для переживаний есть причины посущественнее.

Точнее, были причины, еще недавно. Кажется, еще вчера. Время пролетает со свистом. Ускоряемся, обратили внимание? Да.

Теперь все позади.

И я, кажется, уже позади

Вы любите деревню? Нет, вы не должны любить деревню. Так мне кажется.

Я ошибаюсь? Вообще я редко ошибаюсь.

А хотелось бы вам полюбить деревню?

Поздно. Согласен. Думаю, что и мне не удастся. Хотя, надежда умирает последней.

Продин приблизился и зашептал мне на ухо.

А знаете, таким людям как мы с вами, людям которые еще помнят свет, светлые денечки, жить нужно исключительно в деревне. Только там... только там...

Вернулся на место, помолчал немного и засмеялся, на этот раз как будто от души.

Как вам понравились «светлые денечки»? Будет похлеище Америки. Не находите?

Я еще не окончательно растерял чувство юмора, не находите?

У вас нет какой-нибудь газеты или кроссворда? Сейчас лучшее всего было бы уткнуться в газету и замолчать. Но газеты нет, и вам придется слушать меня, мое нытье.

Заранее прошу простить великодушно

Впрочем, можете не слушать. Во-первых, никто вас не заставляет, а, во-вторых, ничего нового или интересного я вам не скажу.

А что, если вы закроете глаза? Не хотелось бы вам закрыть глаза на время? Ну, что вам стоит? Вам – все равно, а мне будет спокойнее.

У католиков очень правильно все устроено. У них на исповеди прихожанин не видит священника.

Если вы закроете глаза, вы как будто исчезнете. А на самом деле будете со мной.

Каприз. Простите.

Простите. Это каприз.

Сам себя не узнаю. Простите.

Стал капризным как девушка на выданье.

Еще раз простите, и забудьте мои слова.

Я закрыл глаза и прислонился виском к летящей плоскости окна.

А, может быть, вам хочется спать? Нет?

А я бы уснул

Вы спите? Я бы тоже уснул, но... во-первых, боюсь – изволите видеть, падаю (нервный смешок), а, во-вторых, уснуть все равно не получится.

А там, наверху душно. До чрезвычайности. Душно, влажно, зевотно. Тропики, честное слово.

Вы не возражаете, если я посижу на вашей полке? Спасибо.

Очень похоже, что вы не узнали меня

Не узнали?

Я – Продин.

Николай Антонович Продин. Не слышали? Не интересуетесь литературой?

Впрочем, теперь я понимаю, что к понятию литература имею весьма приблизительное отношение. Вот лет тридцать назад – другое дело. Лет тридцать назад, я, знаете, таким гоголем ходил. Имеется в виду птица, а не автор «Мертвых душ».

Хотя, «Мертвые души» – в тему.

Лет тридцать тому назад меня гладили по головке, давали премии, обо мне много писали. Николай Антонович Продин. Не приходилось слышать?

Это хорошо, что не слышали. Честное слово, хорошо. Человек, который тебя узнает, немедленно портится как собеседник. Тухнет на глазах.

У вас есть доллары? У меня есть доллары. Немного, но имеются.

До ваших долларов, откровенно говоря, мне дела нет. Вижу, вы тоже не Ротшильд.

Но вы уже держали в руках доллары. Угадал?

Держали.

Теперь даже маленькие дети знают, что такое доллар. Теперь это – наша национальная валюта. Прошу любить и жаловать. Молодая страна, зеленые деньги. Территория вечной мечты. Без границ и смыслов.

Здесь вам и Америка, здесь вам и... Америка.

Да. Пока – колония. Надеюсь, что не навсегда. Или навсегда?

Факт остается фактом – мы теперь живем в колонии. Прежде были просто рабами, теперь стали колониальными рабами.

Грубо. Согласен. Прежде ни за что бы так не сказал. Рабы. Фу!

Но, времена меняются. У каждого времени свой язык. Теперь обязательно нужно материться. Вы хорошо материтесь? Нет. Вижу, что совсем не умеете. Вот и у меня, откровенно говоря, не очень получается. Зато плакатные пощечины освоил. Рабы. Рабство. Жулики. Прохиндеи.

Заметили, что все вдруг стали жаловаться на боли в спине? Теперь даже маленькие дети жалуются на боли в спине. Что же это, как не груз рабства.

Радикулит? У детей? Я вас умоляю.

Морицтесь. Поморицлись только что.

Не говорите, что у вас чешется нос. Не поверю.

Не любите политику? Угадал?

Да, разумеется, вы не любите политику. Теперь никто не любит политику. Сами все сделались политиканами, и, в то же время всех воротит от политики. Ну, что же, это – закономерно.

Сразу в уме вспыхивает одна французская книжица, недурная история про гинеколога, который не разрешал своей бабе раздеваться, перед тем как ложиться в койку. Он ненавидел все это после долгих лет практики.

Очень точно.

Очень, очень точно.

Вы не читали эту книжицу? Не читали. Иногда мне кажется, что ее вообще никто не читал, кроме меня.

Ну, и автора, конечно. Хотя то, что ее осилил сам автор, представляется мне весьма спорным. Дрянь – книжица, если вдуматься.

Настоящие сочинители пишут исключительно для себя. Настоящие сочинители

Не для книгочеев, не для знакомых, не для близких даже. Для себя. Только для себя. Тогда – умопомрачительная свобода, искрящий полет и смертельный успех. Или тошнотворный провал.

Увы, на деле так не бывает, или почти не бывает. В основном – игра или торг.

Иллюзии. Обман.

Сколько же во мне желчи, а?!

Святой Боже, откуда во мне столько желчи?! Никогда не был желчным человеком, никогда! Спросите у любого из моих знакомых – никогда.

Знаю, откуда это. Неприятности с печенью. Цирроз, наверное.

Долго не выпивал. Совсем. Потом снова стал пить. Печень обиделась, и вот...

В колониях, уж вы меня простите...

Согласитесь, тема должна быть завершена...

Это – болезненное, понимаете?..

Так вот, в колониях на писателей лимит. Один, максимум два человека. Чаще – ни одного.

Точно так. Сами посудите, много вы знаете гибралтарских или гвианских писателей? Вот видите?

А самое страшное...

Это вообще свойственно русской натуре...

Самое страшное, что я довольно скоро, и, поверьте, искренне согласился с тем, что ровным счетом ничего собой не представляю.

Парадокс. Чудовищный ментальный парадокс.

Какой-нибудь мерзавец, пользуясь хаосом, забравшись на две ступеньки выше тебя... плут и прохиндей... клейма поставить негде... при том ты знаешь, что он плут и прохиндей... так вот этот мерзавец, преследуя свои мелкие цели, тешась своим превосходным положением... мнимым превосходным положением... в стремлении отомстить тебе... отомстить за бессонно проведенные им десятилетия жгучей зависти... этот мерзавец говорит тебе, что ты ничтожество...

А ты, вместо того, чтобы расхохотаться, начинаешь задумываться – а не прав ли он?

Конечно, прав, хотя бы потому, что ты задумался.

А в скором времени и поверил.

И вот уже супруга уходит от тебя, и вот уже водочка в холодильнике, а я четырнадцать лет не прикасался к главным напиткам. Четырнадцать!

Главные напитки – хорошо. Не находите?

Так или иначе, мы по инерции думаем, что живем в России. Так принято думать. Может быть, в этом и кроется некий сакральный смысл, если рассматривать ситуацию в перспективе. И вот уже ты падаешь с полки. Так тихо падаешь, что никто и не проснется.

Скажите, почему всегда, при любых, даже самых скверных обстоятельствах, мы рано или поздно начинаем чувствовать свою несомненную правоту и обиду на тех, кто вел себя с нами не так, как нам того хотелось бы? Вот теперь я совершенно убежден в том, что несправедливо гоним. Чувствую себя таким, знаете, благородным страдальцем. Святым почти что, прости, Господи...

Еду в деревню. К старшему брату. К братишке своему. Спиваться еду

Везу ему в подарок мешочек грецких орехов. В их деревне грецкие орехи такой же деликатес, как для нас вами... не знаю... ну, скажем, паюсная икра.

Писать больше не могу и не умею. Несчастливые люди писать не могут

Хотя я-то как раз счастливый человек. А знаете, почему? Да потому, что еду в деревню. Но прочувствовать этого по-настоящему пока не могу. Что-то не получается.

Ничего. Недельку попьанствую на свежем воздухе, и все пройдет.

Любите Ремарка? У него все герои пьют каждодневно, но умирают совсем по другому поводу. От туберкулеза в основном.

А что, если не он?.. это я о том условном мерзавце и прохиндее... что если не он – мерзавец, плут и прохиндей, а я сам? Это – похлеще ничтожества будет. Это просто суицид. Не больше – не меньше.

Или ничтожество вам нравится больше?

Вот говорю сейчас, а сам себе не верю – он прохиндей, конечно же, он, вне всяких сомнений.

Ну, знаете, если бы нам не было дано оправдывать и убаюкивать себя, средний возраст жизни равнялся бы четырнадцати – пятнадцати годам. Все бы кончали с собой. Все, как один.

Я переспал с проституткой

Вы еще не спали с проститутками? Я переспал.

Знаете, мне понравилось спариваться по случаю.

Особенные ощущения. Утешение

Запах другой. К запахам жены привыкаешь, они с годами делаются все более молочными.

А здесь – другое. Нечто острое. Дух перехватывает, честное слово.

Еще бы научиться в этот момент не наблюдать за собой. А то, знаете, занимаешься любовью и представляешь себе свою красную физиономию. Простите за натурализм. Сам не поклонник, но я, видите ли, упал с полки, и мне простительно.

Нервный смешок.

Да, запретный плод все так же сладок. Но это для нас с вами – запретный плод, а вот что будет с теми, кто с малолетства вкушает эти плоды?

С другой стороны, какое нам должно быть до этого дело? Им же нет дела до нас?

Вы женаты? Впрочем, это не имеет значения.

У вас нет водки? И хорошо, что нет. Уже не помогает.

Какое-то колдовство! Так много выгодных предложений, не обязательно вечная жизнь, творчество, познание, любовь, наконец, а они выбрали дурасть и смерть. Две ипостаси. Деньги, жратва, роскошь – это приложения. Дурасть и смерть. Почему?

Вот я теперь философствую, а про себя отмечаю – банальный, бездарный болтун. Непроизвольные три б в начале каждого слова оставляют некоторую надежду, но очень-очень робкую.

Послушайте, а, может быть, им нужна моя кровь? Может быть, если бы я дал им немного своей крови, они не стали бы мучить меня?

Между прочим, эта мысль не первый раз посещает меня. Однажды я уже, было, настроился совершить ритуал. Не до смерти, разумеется. Думал, вот теперь пищу кровь, и несчастья мои пойдут на убыль. Настроился, было, но тут в дверь постучали, уже и не помню кто. Не знаю, благодарить мне того случайного гостя или проклинать. Другой раз уже не решусь.

Любите пролетариев? (Нервный смешок.) Нет, конечно...

Хотя, знаете, со временем все изменится. Их же осталось совсем мало, как каких-нибудь индейцев племени дакота. Для сравнения я мог бы использовать название другого племени, например, пауни, когда бы в детстве не прочитал потрясающий роман Лизелотты Вельскопф Генрих «Харка сын вождя».

Вы не читали? Обязательно прочтите.

Хотя, зачем вам индейцы? Вы же не увлекаетесь освоением Запада?

Сейчас стараются не касаться этой темы. Я даже знаю почему. Они же индейцев сполнили. Всех до одного. Вы думаете, Дикий Запад был освоен при помощи нагана системы «Смит энд Вессон»? Черта лысого! Огненная вода. Смешно. Хотя ничего смешного в этом нет. Теперь они и нас тем же способом осваивают.

Простите, кажется, отвлекся. Накипело.

Так вот, с точки зрения Лизелотты Вельскопф Генрих благородными, доблестными и прочее, и прочее, были именно индейцы дакота, с тех пор мои симпатии целиком и полностью на их стороне. Хотя, кто его знает, как оно было на самом деле.

Так или иначе, пролетариев осталось совсем ничего. И их все меньше. А коль скоро пролетарии – вымирающий вид, заочная любовь и жалость к ним в людях будет нарастать до тех пор, пока они не станут что-нибудь наподобие Олимпийских богов. Впрочем, это – не аксиома, предположение, гипотеза. С ветеранами, например, этот фокус не прошел, что, как минимум нелогично...

К чему это я?

Вот, вспомнил. Я писал о заводчанах. Я действительно любил их, их устои, их жизнь. У них очень правильные лица. Не красивые, а именно правильные.

Осмысленность во взоре.

Что-то от благородных оленей. Без пошлых иносказаний.

Не замечали?

А знаете, не называя даже про себя имени его, все они, большинство, во всяком случае, верили в Бога? Да, да.

Они теперь все в раю. Все до одного. Большинство, во всяком случае. Это даже не обсуждается.

Знаете, бывал я на одной подземной фабрике...

Ой, об этом нельзя. Давал подписку. Так, что уж простите великодушно, рассказ о подземной фабрике отменяется.

А у вас глаза загорелись. Любите тайны? Разлюбите. Мой вам совет. На самом деле ничего таинственного в тех тайнах нет. Куча мусора и кашель. И больше ничего.

Одна крамольная мысль вертится на языке, гадость, конечно, хорошо бы промолчать, но сегодня не удержусь. Это, наверное, связано с падением.

Свалился как тюфяк. Даже испугаться не успел...

Одним словом, мне кажется, что нынче люди меньше верят в Бога, чем прежде, когда было запрещено. В церковь ходят чаще, а верят меньше. Такой парадокс. Во всяком случае, мне так кажется.

Американцы, те – вообще безбожники, хотя каждое воскресенье отправляются в храм. Мы – на рынок или в пивную, если конечно средства позволяют, а они – в храм.

На самом деле, ничего против американцев я не имею. Они – наше зеркальное отражение. А разве можно ненавидеть собственное отражение?

Вы заметили, сколько среди них левшей?

Хемингуэй был американцем, как и рыба, которую ловил его старик. В Америке даже рыбы – американцы.

У нас все сложнее. Вот почему евреи до сих пор любят Россию, сколько бы несчастий она им не принесла.

А заводчан я любил. Наверное

Лукавство. Никого я не любил и, в первую очередь, себя. Потому и не сошел с ума. Вот в девятнадцатом веке все, буквально все русские писатели рано или поздно сходили с ума. Советская власть даровала нам рассудок.

Теперь сумасшествие не в чести. Теперь сумасшествие препарируют, как лягушку. Теперь сумасшествие – фенечка.

Знаете такое слово фенечка? нет? Напрасно.

Чтобы вас не поколотили, следует изучать новый язык. Изыщную словесность нынче не любят. От нее разит старостью и благостью.

И выучите хотя бы парочку материнских слов. Иначе вас скоро понимать перестанут.

Продин в последний раз потянулся к моему уху и прошептал. – Хоть я и ничтожество, я не есть ничтожество. Во всяком случае, вы не должны так думать обо мне. И, уже отстранившись, – Не смейте так думать, слышите? Вы не читали моих повестей и не знаете...

Впрочем...

Пойду к проводнице. Обожаю проводниц. Раньше у проводников всегда была водка. А нет – пойду в ресторан. А вам не хочется поужинать, или позавтракать, не знаю, сколько теперь времени? Не хотите прогуляться со мной? Нет, конечно. Нисколько не сомневался. Вы – цельный человек. Вот, обдумываете что-то. Я прежде тоже был цельным человеком. Да.

Вы тоже познакомьтесь с проводницей. Бьюсь о заклад, это будет полезное для ваших душ знакомство. Ехать в поезде и не сойтись с проводницей – непростительный грех. Как писатель писателю рекомендую.

Я ненадолго. Отдохнете от меня. (Нервный смешок). Хотите грецких орехов?

Нет?

Воля ваша.

Вот – тот человек, которому я просто обязан рассказать о Гиперборее, подумалось мне.

Как же мы похожи! подумалось мне.

Отчего я в действительности не писатель? подумалось мне.

Должно быть, в проститутках мое мужское спасение, подумалось мне.

Уж не состоим ли мы в родственных отношениях? подумалось мне.

Пожалуй, что это первый из знакомых мне людей, которому по-настоящему был нужен мой рассказ, подумалось мне.

Не подцепить бы страшную болезнь, подумалось мне.

Предложу ему поехать со мной, подумалось мне, когда он исчез в мутном туннеле.

Продин больше не вернулся

Хотел приписать *разумеется*, но удержался.

Почему *разумеется*? Дело в том, что многие из тех, кто в последующем сделались моими персонажами, уходили от меня, что называется, на полуслове и не возвращались больше никогда.

Может быть, оттого и расселялись впоследствии в моей памяти?

Не исключено.

А что если я мог его спасти?

Хотел приписать *навряд ли*, но удержался.

Пусть будет *запятая*.

Продин свалился с верхней полки, точно мешок с углем. Наверное, вы знаете, что при опускании на землю такие мешки бесшумно взрываются хмурым облаком. То же самое при падении случилось и с Продиным.

Глухой безвольный звук и – продолжительная тишина.

Я старательно не смотрел на сделавшегося маленьким от согбенного положения и конфуза соседа, точно не заметил приключившейся с ним неприятности. Я пытался рассматривать пейзаж за окном, однако взгляд мой то и дело предательски возвращался к собственному отражению и своевольно устремлялся дальше, вглубь купе к застывшему в неловкости Продину. Моя борьба с пороком, как это бывает в большинстве случаев, завершилась бездарным поражением, апогеем которого явился показавшийся мне омерзительным смех падшего и его словечко *низко*.

Продин засмеялся и присовокупил, – *Низко*.

Разумеется, я принял замечание на свой счет, и тотчас горячая волна прокатилась во мне, сметая надежду и достоинство. Да, он прав, мое любопытство чудовищно, да еще при напускном безразличии, которое само по себе в сложившихся обстоятельствах...

– *Низко здесь, однако*, – продолжал бедняга.

Что он сказал?

– *Низко здесь, однако*.

Другое. Он имел в виду совсем другое! Слава Богу! Какое облегчение!

– *Жаль, что вы не видели моего сальто-мортале. Смеялись бы до колик*.

– Нет, нет...

– Да не тушуйтесь вы. В смехе нет ничего дурного. Смех – это нравственно. Высоко-нравственно. Нас отучают от смеха сызмальства, тем самым обрекая на сирость. Смейтесь, смейтесь без оглядки. Как только что-нибудь показалось вам смешным – смейтесь. И не думайте о том, уместен ваш смех, или нет. Смех всегда уместен. Я вам вот что скажу. Послушайте. Секрета большого не открою, но часто ли мы задумываемся об этом? Никогда. Послушайте. Там, – Продин указал пальцем на забавляющийся бледным огнем потолок купе, – там, скорее всего, будет не до смеха.

– Возможно, вы и правы.

– Возможно? Вы склонны сомневаться?

– Нет, почему же?

– Вам требуется обоснование?

– Нет, зачем?

– Вам требуется обоснование, и я немедленно предоставляю его вам. Зачем мы смеемся?

– Не знаю.

– Вы сейчас сказали «не знаю» только потому, что оставляете мне свободу развивать свою мысль. Из вежливости, так сказать. И совершенно напрасно. Знайте, вы невольно дали единственный правильный ответ. Вы на самом деле не знаете, зачем смеемся. И я не знаю. Никто не знает. Можно только догадываться, построить более или менее стройную гипотезу. Вот и все.

Что такое смех, если взглянуть на него с точки зрения физиологии? Судорога. А с эстетической точки зрения – гримаса. Во всех прочих проявлениях ни судороги, ни гримасы не вызывают в нас положительных эмоций, мало того, мы побаиваемся их и стремимся пренебречь ими. Со смехом же – все наоборот. Так отчего же мы рады смеяться? Вот скажите, почему мы смеемся?

– Смеемся от того, что смешно.

– Не исключено. Но разве это главное?

– Что же главное?

– Главное – то, что все устроено и придумано без нас. И нечего в этом копать, пытаться понять, покуда мы здесь. А вот когда мы окажемся там, – указующий перст, – когда мы окажемся там, все откроется. Это самое «кто мы, откуда и куда мы идем». Мы сделаемся другими, другим. Никаких тайн, загадок, а, следовательно, никакого смеха. Понимаете?

– Не совсем, – в действительности, мне совсем не хотелось участвовать в дискуссии, я наслаждался мыслью о грядущей Гиперборее. Интересно, есть ли там катки?

– Ну, как же? – не унимался мой визави, – смех есть продукт неожиданности, недоумения. А коль скоро вы осведомлены, все предугадываете, предвидите? Коль скоро, вы за пять минут до того как поезд сойдет с рельсов, уже знаете, что поезд сойдет с рельсов?..

В это мгновение поезд действительно тряхнуло так, что Продин вновь ударился, на этот раз об угол столика.

– И вот опять вам не смешно, – продолжил он, морщась и тормоша ушибленный висок, – Да. Вас всерьез отучали от смеха. Угадал? Вижу, вы были хорошим учеником – таким букой смотрите. Ударился человек, разве это не смешно? Да на этом построены все самые медо-точащие и звонкодивные комедии. А я все равно насмеши вас.

Улыбка вежливости занялась на моем лице.

– Вот, вот, вот, – подхватил мелодию Продин, – А я насмеши вас еще больше. Хотите? Я люблю, когда люди смеются. Нет, в самом деле, у вас очень серьезный вид. Что-нибудь случилось? Понимаю, скучно в дороге.

А знаете, как мы поступим? Я насмеши вас.

Мое терпение подходило к концу.

– Послушайте... – начал я, еще не зная, чем закончу фразу.

– Нет, теперь вы меня послушайте...

– Я...

– Нет, нет, не перебивайте меня. То, что я сейчас сообщу – очень важно, вы должны знать. Вот – мое падение с полки... А знаете ли вы, что в ноги вам рухнуло только мое тело? И только. Улавливаете мою мысль?

– Не совсем.

– Сам я остался на полке. Как лежал, так и остался лежать. Тело пало, а я по-прежнему на высоте положения.

Хотите сказать, что так не бывает? А вот и ошибаетесь. Очень даже бывает. Если вдуматься, только так и бывает. Это очень просто доказывается. Как теорема в пятом классе. Хотите, докажу?

Нет ничего проще. Вот скажите, что сильнее – душевная боль или физическая? Душевная, душевная, безусловно. Со мной можно спорить. Можно сказать, что бывает такая физическая боль, когда человек уже и себя не помнит. И, вероятно, с этим нельзя не согласиться. Но речь-то идет совсем о другом. Речь идет о том, что тело наше – это, всего лишь тело, а душа – это душа. Тот замес, что мы наблюдаем в юности, довольно скоро распадается.

Продин отчего-то перешел на шепот, – В космическую пыль. Вы думали об этом? А, может быть, для вас это очевидно? Скажите честно, вы знали об этом? Для меня это чрезвычайно важно. Не молчите, скажите.

– Как-то неловко.

– В чем неловкость?

– Вы так и сидите на полу.

– И еще. Относительно тела. Любопытное наблюдение. Вот мне приходило – как могли любить этих закрепощенных девушек и женщин двадцатых годов двадцатого века, всех этих синеглазниц и физкультурниц в сатиновых трусах? Разве могло быть в них что-нибудь волнующее? И вдруг, случайно, в какой-то хронике я наткнулся на необыкновенную красавицу. Хроника черно-белая, исцарапанная, дрожащая. Трудно сказать с уверенностью, но по структуре губ и глаз я предполагаю, что она была рыжей. Так вот, никакое самое изысканное и двусмысленное белье не пошло бы ей, так, как эта режимная униформа.

И вот еще вам пища для ума – в реальном времени превратившаяся в глухую старуху, другого человека, скорее всего уже покойная, казалось бы, та же самая женщина с экрана кружила мне голову.

Некоторое время я нянчил в себе это видение, смаковал, можно сказать. Никак не мог понять, в чем дело.

Только ли фигурка? Не трусы же, в конце концов?

Может быть, сочетание несочетаемого?

Да нет же.

Дошло до меня однажды.

Взгляд

Ее душа была свободна от предубеждений и запретов. Ей было любопытно все, желанно все и она в то мгновение могла все. Решительность и решимость. Понимаете, что я имею в виду? Вот оно – начало распада, упомянутого мной материалистического замеса.

Между прочим, доведется мне встретить эту женщину, я убегаю. Я всегда бегу от женщин, предначертанных мне судьбой. Если было бы иначе, я бы никогда не стал писателем.

Я – писатель.

Член Союза и все такое.

Продин.

Меня звать Продин.

Николай Антонович Продин

Может стать, совершенно случайно вам попало мое имя? Еще недавно я слыл довольно успешным писателем.

«Путь в будущее», «Светлые дни», «Все будет как всегда», – не читали?

В свое время «Светлые дни» можно было купить, только сдав тонну макулатуры. Не помните те времена?

Теперь слова писатель стесняются. Избегают. Теперь принято говорить «литератор». А что такое литератор? Что они подразумевают под этим «литератор»? Кто это? Критик? Учитель литературы? Где? В школе? В институте? А может быть в яслях? В результате не стало ни критиков, ни учителей, ни самой литературы. Пошлость и спесь.

Ленин в какой-то анкете назвал себя литератором, вот оттуда и пошло.

Ленин до сих пор повелевает нами. Отрицание его – не большее, чем временная неприязнь к обожаемому учителю, одна из красочек любви.

Любите Ленина?

Любите, любите

Я, как и все мы, был увлечен революцией. Это теперь не модно, этого стесняются. А я переживал, что родился позже, не застал, так сказать. Все мы переживали, что не застали этого пламени, так сказать.

Ну, так я придумал маленькое пламя для себя, точнее для своих персонажей. Я писал о пиротехниках и пожарных. Улавливаете конфликт?

Что скажете? Пахнет революцией? Нет?

Прокопченные златокудрые герои в чертоге огня вершат судьбы человечества. Их не очень-то замечают. Вне огня они, как бы это лучше сказать, тускнеют что ли. Становятся неприметными, серыми. Плохо говорят, мне всегда удавались косноязычные персонажи.

Хорошо горят, но плохо говорят. Ха-ха.

Глупость сморозил, согласен. А все – чтобы только рассмешить вас.

Пьют отчаянно

И я выпивал с ними. Умирал раз шесть не меньше. Был молод, старался не уступать, а закалка – не та...

В те времена, когда я описывал своих солдат огня, люди мало что знали о пожарах. Эта информация замалчивалась. Впрочем, и пожаров было не так много. Потому мои книги пользовались успехом. В них присутствовали волнующие, немножечко авантурные, немножечко детективные детали. Хотя линию я соблюдал всегда. Вы понимаете, о какой линии я говорю? Теперь я бы назвал это линией лояльности. Вы понимаете, о чем я говорю?

Ха-ха. Эзопов язык, да?

А как вы хотели? Мы так научены. И, уверяю вас, в этом нет ничего дурного.

Если хотите, в этом много вкуса. Недосказанность – великая вещь. Недосказанность рождает любовь.

В моих книгах присутствовал эффект костра. Я называю это эффектом костра.

Наблюдали вы когда-нибудь за костром? Ловили себя на мысли, что не в силах отвести взгляда от этого необъяснимого зрелища?

Теперь, когда наши, так сказать, пожелания сбываются... понимаете о каких пожеланиях я говорю? «Гори все синим пламенем...» – вот о каких пожеланиях я говорю... так вот, теперь, когда наши пожелания сбываются, будем говорить, сбылись уже, интерес к моим опусам пропал. Теперь им трупы подавай. Как говорится, огонь, вода и медные трупы.

Очередную глупость сморозил, согласен. А все – чтобы только рассмешить вас.

До космической пыли нынешнему читателю дела нет. Совесть на булку не намажешь

Они чрезвычайно голодны, не находите? Они едят целыми днями, дома на улице, в театре. На деревьях и под деревьями. В конторах и оврагах. На просеках и за рулем. В кроватях и под дождем. Жуют, жуют, жуют. Все время жуют. Обращали внимание?

– Кто?

– Все. Все буквально. Их ждет влажный ад. Любите Данте?

Любите, любите.

Да.

Вы путешественник?

Можете не отвечать, я это знаю наверное. У меня глаз наметан.

Вы пишете. Все записываете.

И меня опишите. Кто знает, чем все обернется завтра.

Надо бы рассказать ему о Гиперборее. Непременно.

– А вам, наверное, показалось, что я творю что-нибудь наподобие эротических романов? После моего рассказа о той рыжей осавиахимовке? Нет, нет, совсем другое, противоположно другое.

Вообще сейчас я ничего не творю. Наверняка вы, как и многие, думаете, что сам я из пиротехников или пожарных, и знаю предмет как свои пять пальцев? Черта с два. Впрочем, я – погорелец. У нас вся семья сгорела, когда мне было шесть лет.

Нет, нет, все остались живы, но стали погорельцами. Я и теперь иногда принимаюсь к себе. Проснусь ночью, как будто гарью пахнет. Прислушаюсь – нет, как будто. Это участь всех погорельцев.

А кто в России не погорелец, скажите по совести? В той или иной степени – все погорельцы. Дети революции. Да. Бестелесные дети революции. Бестелесные рабочие, бестелесные колхозницы, бестелесные пожарники, бестелесные проститутки и их сутенеры. Даже породистые обученные собаки – бестелесны.

– Почему?

– Так уж случилось. Стали функцией, понимаете? Хотели ухватить Бога за бороду. А стали функцией. Даже не знаком.

Хочется водки. Вам не хочется водки?

– Нет.

– А мне хочется. Профессиональная деформация. Ну, что же, пойду в ресторан один.

Продин ловко вскочил на ноги и был таков.

Вскочил на ноги и был таков.

Сливочными летними вечерами писатель Продин, предварительно постелив узорную листву рукописи, с гулким стоном оседал на пол своей темной кухни, надолго задумывался, иногда так и засыпал до утра.

Сливочными летними вечерами писатель Продин, усевшись прямо на кухонном полу, зазывал вернувшуюся с работы жену Антонину и вдохновенно читал ей главы своего программного романа.

Антонина, жена Продина, воспитательница в младшей группе детского сада «Осинка», уважительная, уютная, склонная к вязанию женщина, страдающая мигренью, на читках плакала. Всегда или почти всегда.

Антонина мечтала о безоблачном бытие.

Антонина мечтала об Америке.

Плакать она начинала уже на втором или третьем предложении.

Продин любил жену за чувствительность и вообще любил ее.

Многие друзья Продина уехали. Кто – в Америку, кто – в Израиль. Продин же, в силу волевой несостоятельности и склонности к покаянию уехать не мог.

Физически.

Не мог и не хотел.

Нередко Антонина повторяла, – Что ты думаешь своей головой, Продин? Уже все твои друзья уехали. Кто в Америку, кто в Израиль. А ты все не едешь и не едешь. Посмотри, как ты пишешь. Разве кто-нибудь еще так пишет? А ты все не едешь и не едешь. Хорошо, пусть Израиль тебе не нравится. Я, допустим, от него тоже не в восторге. Но чем Америка тебе не хороша? Сколько это может продолжаться, Продин?

Нередко Антонине снился домик на берегу океана, белоснежные яхты и кремовый с золотистой окантовкой кувшин для мытья рук. Иногда вместо домика появлялись тучные стада коров или ручные чайки, но кувшин все равно присутствовал. В домике кувшин стоял на подоконнике, а когда женщина умилялась над животными и птицами, кувшин она держала в руках.

Антонина чахла. Семейная любовь покидала ее.

Антонина чахла и хирела.

С тем, чтобы как-то взбодрить жену, Продин решил покончить с собой. Не столько повеситься, сколько обозначить факт повешения.

В четверг, пятнадцатого сентября, за десять минут до возвращения Антонины, Продин приладил заранее заготовленную веревку с петлей к трубе в ванной комнате и принялся ждать дверных звуков.

Впервые за долгие годы Антонина задерживалась. Она в окружении болтливой и сердечной одноклассницы, по настоянию последней, преодолевая головную боль, вспоминала девичество.

Ожидание супруги казалось писателю бесконечностью

Нервное возбуждение сменилось унынием.

Уныние сменилось пустотой.

Пустота сменилась любопытством.

С тем, чтобы испытать торжество висельника Продин сунул голову в петлю и... удавился.

Возвращение Антонины совпало с гибелью трубы, так что бездыханное тело мужа явилось ее взору в клубах пара. Столь потрясающего зрелища Продин не мог себе представить даже в самых коварных своих фантазиях.

Первое, что проронила Антонина, немного оправившись от шока, было – Кто же это?

В эту минуту она еще не знала, что перед ней Продин, и что Продин жив, как и прежде.

Межу тем, за окном воцарились вечнозеленые болота.
– Скоро Суглоб, – подумалось мне.

*Однако без Продина скучно, подумалось Андрею Сергеевичу
Что он мне? ведь еще вчера я и знать не знал его, а вот теперь он ушел и чего-то не хватает, подумалось Андрею Сергеевичу.*

Как образуются эти связи между людьми? Молниеносно.

Молниеносно! подумалось Андрею Сергеевичу.

Вот я теперь помню о нем. Зачем?

Тревожусь?

Нет, не чувствую. Да и не о чем тревожиться. Он так скоротечен в своей сути, что скверному событию за ним не угнаться, подумалось Андрею Сергеевичу.

Что со мной?

Надо бы до Суглоба сходить облегчиться.

Кто знает, что там будет и как? подумалось Андрею Сергеевичу.

Продин прав, надо бы посмотреть на проводницу. Как же так ехать и не узнать проводницы? Зачем?

Кто знает, может быть... что-нибудь существенное... а может оказаться пустое... так или иначе, не дело... хотя... нет-нет, надобно, и все тут... в противном случае – малодушие и никчемность, подумалось Андрею Сергеевичу.

Хотя подлинного любопытства нет.

Во мне любопытство Продина, вот чье во мне любопытство. Как он, однако, заразителен! А как я заражаем!

Совсем нет иммунитета, – подумалось Андрею Сергеевичу.

С другой стороны, путешествие в путешествии, подумалось Андрею Сергеевичу.

Малое путешествие – это неплохо. Даже и хорошо. Очевидный плюс. Новые люди. Новые знания. А вдруг, что-нибудь из важного и насущного?..

Решено.

Или...

Да нет же, не дело это, сиднем сидеть, факт. И так уже...

Что так уже?

Кто знает этих людей?

Оттого и не знает, что не знакомится. Да разве это труд, в моем-то возрасте?.. совсем, напротив... и поперек... дело должно быть сделано, всякое дело... вот, пришла в голову мысль – и, следом, дело... а как же? как же иначе? По-другому выходит малодушие и никчемность.

Несколько сумбурно, но, по сути, верно.

Сомнения не могут не быть сумбурными, на то они и сомнения.

И нечего себя уничижать.

Нечего себя уничижать.

Нечего себя уничижать.

Так и до суда Линча недалеко, подумалось Андрею Сергеевичу.

При чем здесь суд Линча?

Вот при чем здесь суд Линча?!

Привязался суд Линча, черт знает, что такое!

Да, много времени потребуется, прежде чем мы по-настоящему полюбим Америку. Любой, даже самый никчемный американец на моем месте уже давно бы сходил и вернулся. И еще раз сходил, и еще раз вернулся. А я что же? Нечто я хуже?

А случись что?

А что может случиться?

Да все что угодно

Окончательно отринув сомнения, покачиваясь на механических волнах, Андрей Сергеевич боком перемещается в коридор, и... ловит себя на том, что улыбается.

Беспричинно!

Ах ты, Господи! Вот, опять привязалось. Вот она, фальшь, гадость, размышляет он, живет и здоровствует.

И что за чрезвычайное событие? Вышел в коридор.

Опасность? Изумление?

Нет

Нет никаких причин для волнения, а неприятная, чужеродная, глупейшая, улыбка тут как тут.

Беда.

Усилием воли Благово уничтожает на своем лице приметы малодушия и отправляется в левое крыло вагона.

Когда нет ясности, субъект, как правило, направляется влево, приходит в голову Андрея Сергеевича.

Нужно запомнить и по возвращении записать.

Не забыть бы.

С чего начать? С туалета или проводницы? Проводница, по моему разумению, должна находиться справа.

Вот, откуда такие мысли? Точно всю жизнь только и делал, что путешествовал на поездах.

Проверим.

Наш герой делает шаг, другой. Невольно поворачивает голову и в дверном проеме по соседству видит веретенообразного старца с двумя пустыми стаканами и двумя же колодами карт на столике. *Веретенообразного* потому, что оставаясь в покое, старец, в то же время, как будто, все время находится в неуловимом движении.

При виде Андрея Сергеевича старец тотчас зашевелил губами, руками принялся описывать в воздухе кольца, точно давно поджидал его. Притом, что и губы и руки старца оставались неподвижными.

Так и есть веретено, подумалось нашему путешественнику.

– Входите, входите, мамочка-любочка, – звуки издаваемые Веретеном были протяжными и скрипучими точно жернова мельницы.

Пожалуй, он еще старше, чем выглядит, подумалось нашему путешественнику.

Пожалуй, таких необыкновенных старцев больше и нет на свете, подумалось нашему путешественнику.

Не знак ли это?

Пожалуй, что здесь сокрыта опасность и вред, подумалось нашему путешественнику.

И зачем я повернул голову? Любопытство губительно, черт... что там сказывали про Варвару? Ей, кажется, прищемили нос?

– Опасаетесь? – выстрелил и сразу же победил Андрея Сергеевича старик, – Чего? Ах, вот оно что – карты. Так это – не то, что вы подумали. Это – совсем другое.

Благово, истово крестясь про себя, прокрался к неприбранной полке против старца, попытался присесть, но обнаружил в ворохе железнодорожного белья нечто живое, что очень испугало его и вызвало смех Веретена.

– Это так, это... не смущайтесь. Он без чувств от водки. Спит всю дорогу, проснется, выпьет чуть-чуть, и снова – в сон. Вы подвиньте его и садитесь. Он худенький. Его почти что нет уже.

– Нехорошо это.

– Хорошо, хорошо. Его познабливает, а вы его согрете. Доброе дело сделаете.

Что-то неодолимо властное содержалось в трескучем голосе Веретена. Его хотелось слушаться. Даже не так. Сопротивляться ему не было никакой возможности.

Андрей Сергеевич подвинул спящего, показавшегося ему совсем легким, как будто это был и не человек совсем, а скрученное одеяло, и уселся.

– Вот и славно, – воссиял старик, – одному ехать совсем неплохо, но, случается, хочется собеседника. Знаете, разные мысли приходят, хочется поделиться. Вот вы все на карты смотрите, мамочка-любочка. Сами-то – не игрок?

– Нет, я карт не знаю.

– Есть такая старинная игра, пикет, как раз на две колоды... Шучу я. Какой вы, однако, пугливый, мамочка-любочка. Наверное, редко путешествуете.

– У меня нет денег, – вырвалось у Благово.

– Говорю же, шучу. Вот когда бы вы чаще в поездах гостили, научились бы разбираться в людях. Игрока – сразу видно. Ну, ничего, у вас все впереди.

– Я шел...

– Успеете. Вы все успеете. Может быть, вам неприятно мое общество?..

– Нет, нет, напротив...

– Я же прекрасно отдаю себе отчет, в том, что старость – далеко не самая желанная взору материя...

– Вы не так меня поняли. Просто все неожиданно. Вы меня пригласили и...

– И вот вы рядом. И очень хорошо. А там, в пикете – следующим образом. Каждый игрок играет своей колодой, которую сам же готовит. Карты снимаются противником. Перед началом каждого королика определяется сдача по картам. Карты сдаются по двенадцать каждому. Остальные восемь – служат для прикупа и распределяются так: пять откладываются направо, три – налево.

О чем я? Кажется – о пикете. Вот – старый болтун. Вырвалось. Простите великодушно.

О чем угодно намерен был говорить, только не об этом. Это все, знаете, молодость. Она как щенок тычется мокрым носом у меня в душе, с годами все чаще и чаще. И вот я, как будто сам не свой становлюсь. Так и на женщин молоденьких засматриваюсь, и начинаю око-лесицу нести, затем прихожу в себя, стыдно. Ну, теперь уже, что скрывать, смолodu поигры-

вал, случалось, но в последствие взял себя в руки. Когда уже потерял все или почти все. Хотя, знаете, как посмотреть. Не бывает, чтобы человек только терял. В потерях он обретает многое. Теперь, по моему разумению, он даже в большей степени приобретает. Нежели теряет. А карты? Карты – это повод для раздумий. Впрочем, я, кажется, уже докладывал вам. Каких раздумий? А вот, к примеру, случалось ли, чтобы вам гадали?

– Нет, откровенно, говоря.

– Ай, умница, счастливый человек! Никогда не соглашайтесь на это. Ни при каких обстоятельствах. И я поясню вам свою позицию. Принято считать, что гадание на картах способно предугадать судьбу. Ну, принято, и принято. Все так и думают. Вообще, вы обращали внимание на то, что люди способны принимать за истину, или, хуже того, руководство к действию, всякий уверенно и жестко сформулированный постулат?

Русский человек в массе своей чрезвычайно наивен, с рождения, ментально, так сказать. Еще русский человек, впрочем, это проистекает из предыдущего моего замечания, склонен видеть себя в негативном свете. Постоянные сомнения, чувство вины, ожидание *справедливого* наказания и прочее, и прочее. Этим пользуются те немногие, что имеют натуру испорченную и властолюбивую.

Но я – не об этом. Я о гадании. Итак, большинство думает, что гадание – это способ узнать судьбу. А, на самом деле, все обстоит совсем иначе. Карты не угадывают грядущие события, но определяют их. Понимаете, о чем я? Вот как ляжет карта, так и будет. Каково? Ужас.

Или вот еще. Вот ответьте мне на вопрос – вы фантазер?

– Не знаю.

– Знаете, знаете. Мы все про себя знаем. Не всегда говорим вслух, даже себе не всегда признаемся в том или ином, но знаем. Не хотите говорить – не настаиваю.

– Скорее всего.

– Что?

– Фантазер. Или нет.

– Зачем же вы так с собой? Этак вы и ручку стоп-крана сорвать не сумеете в нужный момент. Нельзя так, честное слово. В вашем возрасте так уже нехорошо.

– Фантазер.

– Что и требовалось доказать. Да вы не смущайтесь, я вас сразу узнал. А знаете вы, дорогой мой собеседник, что человек вообще не умеет фантазировать?

– Не знаю.

– А я вам скажу. Человек напрочь лишен этого свойства. Да-с! Иными словами, всякая фантазия – не есть продукт его умственной деятельности, но информация, ниспосланная свыше. Да, да, мой дорогой, все что грезится и снится нам – есть информация, посланная свыше. А, следовательно – данность. Реальность, проживающая по соседству. И стоит вам сделать шаг в сторону, вы окажетесь в той самой реальности.

Не верите? А вот, скажите, чего такого в истории человечества не было, чтобы могло вам пригрезиться или присниться? Предупреждаю, о всевозможных единорогах, драконах, ангелах и чертях мы просто ничего не знаем. Мы вообще очень мало знаем. Мы знаем только то, что нам дозволено знать. Мы очень малы и слабы, мой дорогой. Можете ли вы привести пример того, чего бы ни было никогда?

– Мне сложно так сразу.

– Простите великодушно, когда бы я спросил вас, был ли у вас в детстве хвост, вы тотчас ответили бы, что хвоста у вас не было. Или был?

– Не было.

– Но вы могли этого не знать. Хвост вам могли удалить еще в возрасте несмышленности.

– Нет, хвоста у меня не было.

– Почему вы так уверены в этом?

– Мама сказала бы мне...

– Не факт. Она могла скрыть от вас эту деталь, чтобы не травмировать вашу психику.

– Остался бы шрам.

– Умница! Вот вы уже отстаиваете и настаиваете. Как говорится, *сомнения прочь!* Вот и на мой вопрос вам следовало бы ответить либо твердым *да*, либо решительным *нет*.

– Но история человечества – слишком обширная тема. Нужно много читать, заниматься этим вопросом...

– Еще больше запутаетесь. *Знания умножают печаль*. Помните? Никто никогда ни о чем не сможет сказать с уверенностью и оказаться правым. А коль скоро правых нет, чего голову ломать? Нужно занять ту или иную позицию и ее отстаивать. В противном случае вас растопчут, мокрое место от вас останется, в противном случае.

– А как же хвост?

– А что, хвост?

– В том, что у меня не было хвоста я уверен, и я прав.

– Уверены?

– Уверен.

– А если я вам скажу, что копчик – есть не что иное, как рудимент хвоста? Что, сели в лужу?

– Пожалуй.

– Вот-вот. В то же время находятся ученые, которые считают, что это – совсем не так. Кто же из них прав?

Что же получается? А получается вот что. Прав тот, кто с большей уверенностью отстоит свои позиции. Предположим, у меня нет окончательного суждения на этот счет. Я никому, разве что вам, в качестве примера, не предлагаю эту шараду. Кто бы ни поднял при мне тему хвоста, я – нем как рыба. Мне это не нужно. И так – всю жизнь. Потому что мне этого не хочется.

Какой же мы имеем итог, мамочка-любочка?

– Какой?

– Никому и голову не взбредет, что я – великий специалист по хвостам.

– А на самом деле?

– А на самом деле я мог бы быть им. И неизвестно, в таком случае, как сложилась бы моя биография. Так-то, мамочка-любочка.

– А как вы определяете, что вам нужно, а что нет?

– Интуиция. Мы недооцениваем свое шестое чувство, а оно, в некоторых случаях, если не сказать, в большинстве случаев, является для нас наиважнейшим. Как кино, – Веретено проваливается в смех, увлекая за собой Андрея Сергеевича.

– Ноги ведут нас, – заявляет, вернувшись в реальность, старик, – Ноги знают. Ноги, руки, живот. Вам же не нужно долго размышлять, когда сосет под ложечкой, над тем, что требуется сделать? Отправитесь на кухню и достанете кусок мяса из холодильника. Отчего же мы сомневаемся, направиться нам туда или в обратную сторону? Любите вы или нет? Есть Бог или нет Бога? Чего тут сомневаться? Интуиция дает точный ответ.

– Да-да...

– Вам хочется спросить меня о чем-то?

– Спросить?..

– Ну, да, я же чувствую.

– Не знаю, мой вопрос может показаться вам неожиданным...

– Я похож на человека, которого можно застать врасплох вопросом?

– Просто не хочется выглядеть, как бы это лучше сказать?..

– Задавайте свой вопрос.

– Вы верите в существование Гипербореи?

– В будущем или прошлом?

– ?

– Это важно.

– Не думал об этом.

– А это как раз самое важное.

– Вообще.

– Нет.

– А как же?..

– Никак. И на том стою. Расстроил вас?

– Немного.

– Ну, что же, без этого нельзя. Знаете, как говорится? Не все коту масленица. Любите Островского?..

Еще один библиофил. Да их как будто специально собирали для меня.

...Нет? Напрасно. Там все такие живые. Смешные имена. Его хорошо читать. Полезно.

А куда, позвольте полюбопытствовать, вы направляетесь?

– В Суглоб.

– Печально.

– Почему?

– Пепелище.

– В каком смысле?

– А вы что же, ничего не знаете?

– Нет.

– Ну, и ни к чему вам.

– Позвольте, но...

– И не спрашивайте. Одно могу посоветовать – подумайте хорошенько. До Суглоба еще есть время одуматься.

– Но почему?

– И не спрашивайте.

Некоторое время собеседники проехали молча.

Упоминание Андреем Сергеевичем пункта следования привлекло в беседу нечто необъяснимое и опасное, наподобие шаровой молнии. С того момента, как прозвучало *Суглоб*, старец как-то скис, точно исполняемую им дивную мелодию нарушил убийственный стон дрели. Наш путешественник же почувствовал необъяснимый страх.

Первым опомнился Веретено, – Вот, что, я вас сейчас чаем горячим напою, с лимончиком, и не спорьте, без чая вам не уйти от меня.

Точно освободившись о незримых пут, старец заходил всем телом, так несуразно, что человек, не слышавший его намерений, никогда не догадался бы, что тот отправляется за чаем, и вообще намеревается куда-то идти. Тем не менее, тело Веретена переместилось в коридор и исчезло за поворотом.

Благово почувствовал легкую тошноту. В минуты тревоги с ним нередко случалось такое.

Зашевелился ком за спиной. Показалась землистого цвета голова со слипшимися рыжими волосами, – Товарищ, пожалуйста. Там, под столиком стакан, пожалуйста, подайте.

Андрей Сергеевич извлек из-под столика теплый нечистый стакан с водкой и передал страждущему.

Страждущий сделал глоток, вздрогнул, вернул стакан, – Товарищ, пожалуйста, поставьте на место.

Благово механически выполнил и это поручение.

– Спасибо, товарищ. Вы не переживайте. Он это иносказательно. Он не Суглоб, он всё имел в виду.

– Всё?

– Да что же вы сами не видите?

– Что?

– Всё – пепелище. Вы на меня посмотрите, на него. Да хоть на себя посмотрите. Вы давно себя в зеркале видели? То-то. И знаете что, ступайте с Богом, пока он не вернулся. Он вас заговорит. Да еще и в карты играть заставит. Ступайте от греха.

От этих слов наш путешественник встрепенулся, – Да, да, конечно, – вскочил и был таков. Отчего-то страх сменил мучительный стыд. Андрей Сергеевич даже покраснел.

Валентина!

Я не вижу ни малейшего смысла в том, что ты ушла, равно, как не вижу смысла и в том, когда бы ты осталась.

Пишу плохо не потому, что волнуюсь, а потому, что мне совершенно, то есть абсолютно безразлична ты, равно как и все окружающие тебя, равно как и окружающие меня люди, если то, что называется людьми можно так назвать. Ибо им в точности также все равно. Такие настали времена, Валентина.

Ибо эмоции кончились, и кончились вдвойне по причине того, что назвать эмоциями то, что принято называть эмоциями, к эмоциям не имеет никакого отношения.

Пишу плохо и витиевато, но ты поймешь, меня, если захочешь, хотя прекрасно отдаю себе отчет в том, что понимать здесь нечего и незачем.

Я продолжаю проживать свою жизнь, хотя какая это жизнь? Если вдуматься, человек, Валентина, в чем я убедился, это такое дивное существо, что, сколько его не корми, сколько его не гладь по головке, сколько его не утешай, будет говорить и действовать не сообразно каким бы то ни было установкам и правилам, и не вопреки, что напрашивается, но неизвестно для чего. По воле, так сказать, склизких волн обстоятельств, приготовленных неизвестно кем.

Исходя из вышеизложенного, жизнь не то, чтобы прекрасна, скорее сумрачна и задумчива. И это я готов повторять раз за разом хоть самому себе, хоть с трибуны, хоть на смертном одре.

Вольная, но практичная женщина Виктория Молот догадывалась, что она проститутка, но от этого ее желание успешно выйти замуж не убывало. Потому что это в прежние годы, годы ханжества и тщедушия, слово *проститутка* несло в себе ярко выраженное негативное звучание. С наступлением всеобщего просветления и вдохновения, всякое понятие наполнилось жизнью, во всем ее многообразии, и обрело вполне разумный вид. Так что ничего удивительного в мечтах Виктории не было. Мало того, с учетом приобретенных ею специфических умений и трезвому взгляду на жизнь, ее шансы, в сравнении с довольно наивными представительницами постных профессий, выглядели более предпочтительными.

Тем не менее, время шло, а предложений как-то не следовало. Становилось очевидным, что без привлечения метафизики предвкушение брака может затянуться. И Вика, согласно рекомендации уже создавшей к тому времени крепкую семью подруге, в недалеком прошлом такой же вольной и практичной женщине Жанне Жимкиной, отправилась к пожилой цыганке Ляле Геннадьевне, дабы та погадала, а, по возможности, и нагадала ей женского благополучия. Желательно сорока лет от роду, смиренного и при деньгах.

Гадание незамедлительно выявило короля червей. Радостное событие должно было произойти буквально со дня на день. Промелькнула мысль, стоило ли вообще ходить к пожилой цыганке Ляле Геннадьевне, когда, судя по всему, червовый король уже навел стрелки на брюках и выбирает или не выбирает галстук в тон?

Это случилось в среду вечером. Уже стемнело, когда Виктория вернулась домой. После встречи с неведомым у нее разболелась голова, и она, приняв таблетку аспирина, сразу же легла спать.

Четверг и пятница прошли впустую. У любвеобильной женщины стали возникать некоторые сомнения.

Желанный стук в дверь раздался в субботу, что-нибудь около шести утра, когда не только Виктория Молот, но вообще все спят. Стук был столь нелепым и неожиданным, что мысль о счастье, не приходя в сознание, повернулась на другой бок и засопела аки ёж.

Хозяйка, обращаясь скорее к себе, нежели к невидимому визитеру, прошептала *кто?* и собралась было зарыться с головой в жаркую утробу пухового одеяла, но тотчас получила новую, уже настоящую дробь. Только тогда озарение осветило всю комнату. Кажется, даже бесплодная лампочка вздрогнула и высунула на мгновение свой ядовитый язычок.

– Иду, иду! – уже в пути, покрывая себя настырно летящим прочь халатом, запела мечтательная женщина.

– Иду, иду! – уже в пути внезапно прорезавшимся фальцетом запела мечтательная женщина.

– Иду, иду! – уже разверзая врата судьбы, все еще пела мечтательная женщина, пока не увидела визитера, и звук ее спиралью вернулся в окончательно пробудившееся горячее нутро ее.

Перед ней по пояс в кресле, в точности как на карточном изображении, восседал настоящий червовый король, облаченный в соответствии с традицией азартных игр.

Виктория, настоящая кисейная барышня, погрузилась в обморок.

Преувеличение.

Ослепительно побледневшая Виктория рухнула на пол и рассыпалась на тысячи мертвенных мошек. Так штукатурка отваливается от стены.

Виктория растянулась на полу, грохотом своим вполне оправдывая свою фамилию Молот.

– Ну, что же? Следовало ожидать, – прокомментировал встречу король.

– Как же это вы так неловко, мамочка-любочка, – прокомментировал встречу король, а трамвайчик за окном, брякнув невидимой мелочью, выдал вольтову дугу.

Вот такая история.

После того, как Продин покинул общество нашего героя, в душе Андрея Сергеевича поселился вакуум.

Похоже, в моей душе поселился вакуум, подумалось нашему герою

Похоже, я чересчур настроился на своего попутчика, и впал зависимость от него, подумалось нашему герою.

Похоже, я чересчур настроился на новое, и теперь всякий раз буду растворяться в людях, даже случайных путниках, подумалось нашему герою. Так и до болезни недолго.

А какая от этого может приключиться болезнь? Всякая. Выбор огромен, подумалось нашему герою

Похоже, дороги назад, всё одно, нет, подумалось нашему герою.

Стиснуть зубы, зажмуриться и, единственное, с Божьей помощью, двигаться наугад. Так надежнее.

Так безопаснее.

Так неприметнее.

У Христа за пазухой наблюдения и выводы точнее.

С этими мыслями Благово самым решительным образом вывел себя из купе и свернул налево.

И голову повернул налево, сделав не более трех шагов.

И встретился взглядом с необыкновенным стариком, который, во всяком случае, так показалось, Андрею Сергеевичу, поджидал его именно. Необычность старика заключалась в том, что он самым неестественным образом вращал глазами. Некоторое время сидит спокойно, потом вдруг вытаращит глаза и, помогая всем телом, повернет их по часовой стрелке. Затем снова не шелохнется некоторое время.

Веретено, подумалось нашему герою.

Вот так даются имена и прозвища, подумалось нашему герою.

Однако, если бы не обстоятельства жизни, быть мне насмешником, подумалось нашему герою.

Хотя никакого презрения во мне нет, равно, как и смеха пустого.

Вот так живешь, и не знаешь, может быть, давно уже у тебя за спиной шествует какое-нибудь прозвище или кличка, подумалось нашему герою.

– Далеко путь держите, мамочка-любочка? – поворот глаз.

– Простите? Вы ко мне обращаетесь?

– Вот уж не знаю, кто к кому обращается. Вы уже полчаса стоите как вкопанный и рассматриваете меня, – голос у старика горький и скрипучий как дверь в преисподнюю.

– Полчаса?

– Да уж не меньше, – старик смеется.

Уж лучше бы он не смеялся. В ответ на смех этот в затылок Андрея Сергеевича ударяет ядовитое гусиное шипение.

Однако этот старик – еще тот старик.

Что делать?

Ну, да решено, плыть по течению.

– Да вы входите, не стесняйтесь, вдвоем веселее. Справедливости ради, был у меня попутчик, выбросился минут тридцать тому назад.

– Как выбросился?

– Как нынче выбрасываются с поездов? Пива захотелось. Не мог дождаться станции.

Некрасиво. Очень некрасиво. Не солидно, знаете. Не понимаю таких людей. Нет, не тех, что выпивают. Выпивают все, только некоторые это делают с душком, мамочка-любочка. Подонки. Любят настучать или оговорить. В особенности лакомятся кровью тех простачков, что пьют доблестно, на миру, как говорится. Так вот простачков я как раз не осуждаю, мало того, в известной степени симпатизирую им. В то же время я не перевариваю людей поспешных. Всем хочется своего часа счастья. Разве мне не хочется или вам? И счастье явится. Еще как явится, мамочка-любочка! не сотрешь, но... в назначенный час. Ни минутой раньше, ни минутой позже.

Не раздумывали над этим? Так это же надобно знать! Все беды человечества от торопыг! Эволюции, революции, геноцид, суицид и прочая белиберда.

А прыгать из вагона прежде времени – это не уважать законов мироздания!

– Разбился?

– Упаси Бог! Зачем же ему разбиваться? Справедливости ради, пьяненький он был, это – точно. Однако пьян, да ловок. Есть такие люди. Победители. Я их победителями называю.

Справедливости ради, все мы в какой-то степени победители. Не согласны со мной?

– Даже не знаю.

– Это оттого, что вы молоды. Но это – пройдет, – смех, гусиное шипение в затылке, – Это довольно скоро пройдет. Оглянуться не успеете.

– Все же как-то странно.

– Ничего странного. Вот вы куда следуете?

– До Суглоба.

– Чего вы там забыли?

– Там у меня родственники.

– Ну, это ваше дело. Так вот, мамочка-любочка... как вас звать?

– Андрей.

– В моей молодости поезда даже ход не замедляли, и все мы, ваши ровесники, прыгали. Да как прыгали! И, заметьте, у каждого из нас когда-то это было впервые. Притом, на моей памяти никто ног, рук не ломал, но, справедливости ради, тогда и воздух другой был, и мысли другие.

Мы буквально все стремились. Тем только и жили. И чрезвычайно радовались притом. Радовались всему. Буквально.

Спроси меня сейчас – как ты провел свою юность? отвечу незамедлительно, в радости. И голодали, и болели, и умирали, но жили в радости. Даже уже мертвыми. Что может быть прекраснее?

А в Суглобе вам делать нечего. Вас там сглазят и заговорят, если вообще вы там кого-то найдете.

А, может быть, час счастья уже миновал? Не исключено.

– Почему вы сказали, что мне не нужно в Суглоб??

– А вам что там делать? Вы же молодой человек. Вам расти и летать надобно, мамочка-любочка. А вы что же? На печь? простите великодушно.

– В каком смысле?

– В самом, что ни на есть прямом. В Суглобе же отродясь бездельники, да недоумки жили. А вы не знали? Про Суглоб легенд не счесть. Если в Суглобе, не приведи Господи, загорелась хата, а хозяин, предположим, отдыхает, он, хозяин этот и пальцем не шевельнет, чтобы огонь остановить. Так и будет лежать, покуда не сгорит вместе с хатой. И не пикнет, ибо лениво ему шуметь-то.

– Насколько мне известно, там народ работающий.

– Где? В Суглобе?! Это вы о подземной фабрике?

– Допустим.

– А кто ее видел эту фабрику-то?

– Да, но...

– Оставьте. Нет никакой фабрики. Вред есть – это да. Это – точно. Потому людей оттуда и не выпускают.

– А что за вред?

– Кто же его знает? Может, хворь, может, яд. Так или иначе, не трижды, четырежды подумайте, мамочка-любочка. Как вас звать-то?

– Андрей Сергеевич. Как Тургенева. Только...

– Точно, как Тургенева. Да вы и похожи на него. Вот немного возмужаете, бакенбарды отпустите. Будете вылитый Тургенев...

Еще один библиофил. Не вызывает сомнений тот факт, что их специально собирали для меня.

– Бакенбарды были у Пушкина.

– Да оставьте же вы, наконец, бедного Пушкина. Убили его уже, и еще раз убили, и еще раз убили, и убивать будут до бесконечности. Я говорю о Тургеневе, неужели не понятно?

– Понятно.

– А вы о ком говорите?

– И я – о Тургеневе.

– Так в чем же проблема?

– Не знаю.

– То-то, что не знаете. «Маскарад» читали?

– Читал, кажется.

– Вот ведь как бывает. И, заметьте – подобные события не редкость.

– Наверное.

– Я вам точно говорю. Просто напросто каждый день такое случается. Если взглянуть, как говорится с высоты Каменного гостя. Грустно все это.

– Согласен.

– Так что вы себя, Андрей Сергеевич, поберегите. Тезка такого человека. Это надобно нести. Согласны со мной?

– Наверное.

– Поберегите себя.

– Да, но...

– Что *но*?

– В каком смысле?

– В наше время соблазнов много. Вот, вы, наверное, уже о девицах подумываете. А знаете, сколько среди них проституток?

– Да нет же... не то совсем...

– А вы меня не стесняйтесь. Разве я молодым не был? Правда, в наше время их было меньше, но...

– Не то, не то.

– Какой вы теплый, однако? Трудно, трудно вам будет.

– Но...

– Ах, да не слушайте вы меня. Я вам только мешаю. Знаю, да поделаться с собой ничего не могу. Наступил, знаете ли, скотский возраст, когда требуха моя желает поучать. А с требухой, сами знаете, справиться очень трудно. Далеко путь держите, мамочка-любочка?

Только после этого вопроса Андрей Сергеевич почувствовал, что вновь обретает себя.

Что же это я навертел в себе? подумалось нашему путешественнику.

Передо мной старенький старичок в беспамятстве. Жалкий и безопасный. А я что же?

- Вы не расслышали моего вопроса?
- Какого вопроса?
- Куда следуете, если не секрет?
- Какой же секрет? В Суглоб.
- Я не ослышался, в Суглоб? – переспросил дедушка.
- Не ослышались.

Старик в последний раз вытаращил глаза, и закрыл их. Сквозь его красноватые щели без ресниц просочились слезы.

- Что с вами?
 - Ничего.
 - Да как же? Разве я не вижу?
 - Стыдно.
 - Отчего же вам стыдно?
 - Завидую вам.
 - Вот уж...
 - Вот вы, совсем молодой человек, а уже напрямик направляетесь в рай, мамочка-любочка. А я еще не знаю своего распределения.
 - Почему в рай?
 - А что же такое Суглоб по-вашему? Атлантида? А, может быть, Гиперборея? Нет, мамочка-любочка, Суглоб есть рай. Эдем, если угодно.
 - Хотите со мной?
- Слезопад старичка усиливается, – Какой вы теплый, однако, хорошо вам там будет.
- Хотите со мной? – повторил свой вопрос Андрей Сергеевич.
- Ответа не последовало. Возникла переходящая в стук колес бесконечная пауза.

Уснул, подумалось Андрею Сергеевичу.

Уснул или умер, подумалось Андрею Сергеевичу.

Андрей Сергеевич приложил ухо к груди старика, нашел мурлыкающее сердце, и, искренне на этот раз, улыбаясь, тихонько вышел вон.

Много ли нужно человеку для душевного благоденствия? подумалось нашему мечтателю. Однако у старости есть свои неоспоримые преимущества. Их немного, но они есть.

Чем отличаются главные события от второстепенных? Можно ли найти ответ на этот вопрос?

Вы скажете – все очень просто. Главные – это судьбоносные события, те, что составляют сюжет нашей биографии. И тотчас назовете, казалось бы, очевидные примеры: первый поход в школу, женитьба, рождение ребенка, развод, повторная женитьба, рождение второго ребенка и прочие вспышки жизни.

Позвольте не согласиться.

В альбомах подавляющего большинства пешеходов буден присутствует этот бесцветный набор фотографий с остекленевшими персонажами.

Возьмите один комплект, другой, третий, сличите их, и вы придете к набившему за десятилетия хоровода оскомину выводу – все люди братья (и сестры). А я присовокуплю – близнецы. Нелепость, потому что на самом деле это – не так.

Следовательно, сюжетец-то – не главное, и, даже, далеко не главное. Главное – деталь. Не то, что вспоминается по требованию, но всплывает из матовых глубин одиночества само по себе, некстати и безо всяких причин.

Это – как у симпатичной, можно даже сказать красивой, и внешне, и в поступках женщины на лице, где-нибудь на веке или на шее вы обнаруживаете пренеприятнейшую родинку. В последующем дама эта окажет вам любезность, выручит вас, а, возможно, даже и спасет. Спасет и пропадет из вашей жизни.

И вот, пройдет время. Нет-нет, да и вспоминаете вы своего ангела-хранителя. Но как? Вспомнится вам благородный ее поступок? глубина ее души? красота ее? Не исключено, но не в первую очередь. Прежде всего, перед вашим внутренним взором предстает та самая родинка, будь она не ладна.

И вот еще. Вы такое за собой замечали и за другими наверняка.

Первое впечатление.

Встретится, бывало, вам или мне какой-нибудь человек. Хороший как будто человек, как позже со всей очевидностью покажут события, однако, в совокупности черт, движений и интонации первоначально покажется он вам неискренним, лукавым, хуже того, опасным. Дальше этот человек следует за вами по жизни, всякий раз доказывая свое искреннее к вам расположение, общность интересов и помыслов. А вы всякий раз при встрече ловите себя на мысли, *когда же он, наконец, откроется, проявит истинную свою сущность?*

Грех предубеждения. Грех мучительный и жестокий.

Впрочем, с тем же успехом, мы влюбляемся в подлецов, единственным достоинством которых является отсутствие родинок или вкрадчивости в голосе.

И нас во множестве оценивают также.

Что же получается?

Объективного мира не существует, и всякий бред неподсуден, ибо кто и как может судить, когда все в бреду и всё – бред.

Плохо дело?

Не знаю.

Нужно подумать хорошенько.

С тем, чтобы попасть в туалет, Андрею Сергеевичу, пережидая очередь, пришлось провести некоторое время в черном огнедышащем тамбуре с окошками, не имеющими ни малейшего шанса избавиться от презрения природы извне и ненависти людей изнутри. Иконы дьявола эти могут изобразить вам все, что угодно в чудовищном преломлении. Смысл жалкого их существования – свидетельство извечного нашего отчаяния ото всего: что бы ни делалось, о чем бы ни думалось, от самих себя, в особенности от старших. По всякому поводу и без особенного повода. Русский человек, в большинстве, воспринимает мир через такие вот окошки.

В тамбуре Благово запечатлел березку. В силу своей природной чистоты и наивности, встретить Андрей Сергеевич такую березку где-нибудь в околыше или на поляне, он искренне и страстно умилился бы ей. Не исключено, что его потянуло бы прижаться к ней, и слиться в ожидании благодати. Адская же линза возродила образ безрукого попрошайки с какой-то тиной вместо волос, виденного им однажды на улице и многократно являвшегося позже в ночных кошмарах, образа, казалось, подзабытого навсегда.

Несчастный этот был настолько явственным, что Андрею Сергеевичу подумалось, *Как же бродяжка добрался сюда? И у кого здесь он может попросить?*

И еще, но это из прежних мыслей – вот он просит, вот подадут ему, а как же он возьмет, когда рук у него нет. Ртом?

А что, если кто-нибудь в тот момент напугает его? он может подавиться. Монетка застрянет в горле и конец.

И так дальше.

Благово почувствовал укол в сердце и бежал из тамбура.

Уже в туалете он размышлял, *так и должно, так и должно. Прежде чем оказаться в благословенном месте, пусть в раю, пусть в Гиперборее, непременно нужно познакомиться с чудищами. Без них – никуда. Главное – не бояться их. Надобно научиться не бояться их.*

Вот этот туалет, наверное, то самое место, где хорошо избавляться от страхов. Настоящая жилая комната. И шкафчик и умывальник, и тесноты вовсе не чувствуется, и присутствия другого человека, ну, или чудища, раз уж о чудищах зашла речь, предположить никак невозможно.

Между прочим, вовсе не факт, что чудища злобны. Они могут оказаться милыми и добросердечными. Вспомните Аксакова. «Аленький цветочек».

Разве тот попрошайка может быть злым?

Только не нужно говорить, что при его жизни он просто обязан быть злым. Нет, нет и еще раз нет, сколько бы ни калечила его жизнь.

Злыми бывают и сытые люди. Ведь что такое злость? Это – своего рода спазм вдохновения. А вдохновение рождается на сытый желудок. Ну, да уж это проверено. Гиперборея ни разу не являлась мне, когда я был голоден или болен. Нет-нет, исключительно перед сном, после ужина, когда нет никаких неприятностей и обид.

Лучше всего Гиперборея представляется, когда лежишь на правом боку, и ноги согнуты.

Еще когда в доме прохладно, а ты под теплым одеялом.

Еще когда мама запекала курицу в духовке. Такой божественный аромат!

А в Гиперборее должно быть много лебедей.

Все рано или поздно закольцовывается.

У всякого автора.

Подчас вне его воли и вопреки здравому смыслу.

Впрочем, и в жизни все однажды закольцовывается. Подчас вопреки высшей логике и здравому смыслу. Недаром символом брака было выбрано кольцо.

Вот вам сюжетец

Иннокентий Иннокентиевич Разуваев пишет письмо некогда преданной, и, вдруг, то есть совершенно неожиданно, кажется и для нее самой предавшей его жене. Напряжен и расслаблен одновременно.

Напряжен о того, что письмо это ему желанно, но он не знает с чего начать, расслаблен от того, что уже принял два стакана водки. В таком состоянии он пребывает и двадцать минут, и час, пока не раздастся стук в дверь.

Разуваев открывает дверь. Перед ним молодой красивый человек с признаками вдохновения во взгляде. Очень приятный молодой человек, с виду артист или писатель. Очень приятный молодой человек.

– Чем обязан, – интересуется Иннокентий Иннокентьевич.

– Иннокентий Иннокентьевич, я к вам, собственно, за документами.

– За документами?

– Именно.

– Простите, я не совсем понимаю, о чем вы говорите. Дело в том, что я тут занят записками. Просто весь погрузился.

– О чем записки, если не секрет?

– Так, размышления.

– Какова тема, если не секрет?

Приятный во всех отношениях, но несколько навязчивый, согласитесь, молодой человек.

– Старухи.

– Вот как?

– Да, старухи.

– Что, вдруг? – не унимается приятный, но навязчивый молодой человек.

– Видите ли, мне кажется, что им не хватает любви.

Очень важный момент. О чем, спросите вы меня все это бесконечное повествование?

Да о любви же, Господи, Боже мой. Все – о любви.

Этакое заклинание уходящей... уходящему... умирающему...

– Любопытно.

– Да. Им не хватает любви. Это несправедливо. Вам не кажется?

– Не могу ответить так вот сразу. Знаете, откровенно говоря, я не думал об этом.

– Никогда?

– Никогда.

Не врет. Станным и фальшивым показался бы иной ответ.

А, между тем. Подумать об этом стоит.

– Иннокентий Иннокентьевич, я к вам за документами.

– Зачем?

– За документами.

– Ах, да. Да, да, кажется, начинаю приходить в себя. Так вы за документами?

– Именно.

Пауза.

– Иннокентий Иннокентьевич, мне бы документы у вас получить.

– Документы, да.

Пауза.

– Иннокентий Иннокентьевич...

– Конечно, конечно.

Пауза.

– Послушайте, а почему бы вам не выпрыгнуть в окно?

– В окно?

– В окно, Иннокентий Иннокентьевич.

Разуваев минуту остается неподвижным, затем неспешно подходит к окну, отворяет его и...

– Что ты сделал с собой, Николай? – выдохнул потрясенный Матвей Антонович Продин, когда младший брат собственной тенью повис на его мраморной шее. Разряд крошечной тишины в ответ побудил его к действию. Он успел подхватить враз сделавшегося ребенком путешественника и понес в холеную избу, на пуховые перины. Перед тем, как окончательно оставить реальность, Николай Антонович успел молвить, *Орех*.

Слово погружающегося в небытие писателя, неожиданное и загадочное, отпечаталось в сознании брата и, точно почувствовав собственную значимость, играя и пенясь, вскоре пленило любые прочие мысли и темы и сделалось главным и единственным.

Орех, – размышлял Матвей Антонович, *Почему орех? Что хотел он сказать этим? Орех ли он имел в виду, когда сказал «орех»?*

Что за орех? Арахис? Фундук?

Быть может, ему хотелось есть? Так бы и сказал, «хочу есть».

Постеснялся? Исключено. У нас это не принято

Может быть, он имел в виду грецкий орех? В старинные года, когда он приезжал к нам каждый год, всегда привозил с собой грецкие орехи. Ему почему-то казалось, что для нас грецкие орехи – деликатес, такой же, как... не знаю... как, скажем, паюсная икра. Может быть, он сам обожает грецкие орехи? Нет же. Во всяком случае, я не замечал, чтобы он когда-нибудь прикасался к ним. По-моему он как-то оговорился, что терпеть их не может.

Да.

Тогда еще слабодушная мысль явилась мне «наме, Боже, что нам негоже». Тотчас прогнал ее... Скверно думать так о брате, чем бы он ни был.

Орех. Ядрышко. Скорлупа. Твердый предмет. Очень и очень твердый предмет. «Твердый как орех». Бытует такое выражение? Что-то такое я, кажется, слышал. Или не слышал? Вне всякого сомнения, орех – твердый. И что с того? Не знаю.

Что значит, «не знаю»? А то и значит. А, действительно, что вообще я знаю? Что вообще мы знаем? Делаем вид, дескать, знаем, а знаем ли?

«Твердый как орех». Фраза. Вот кто изобретает эти фразы?

Писатели.

Николай – писатель. Ну, и придумал «твердый как орех».

Что там еще есть в орехе? Зернышко

В грецком орехе зернышко большое, извилистое, похоже на мозг. Вот именно, похоже на мозг. Неумелая модель головы. Череп, твердый как скорлупа и ядрышко-мозг. Ирония. Образ. И что с того?

Шутил из последних сил? Дескать, он и есть грецкий орех? Не человек, способный при долгожданной встрече поприветствовать, улыбнуться, расстрогаться, выспросить, а предмет обескровленный и бесчувственный. Намекал на то, что устал, на то, что слова молвить не может.

Нет, не то. Все же твердость и разум. Это подходит больше. Хотя, как знать?

Вот, задал задачку! Ай, да Николай! Писатель, чтоб тебе пусто было!

Вот Боркин, сосед, когда умирал, матерился, хорошо помню. У матерного слова тоже много значений, но никто, и я, в том числе, особо и задумываться не стал. Потому что теми

немногими словами было сказано все. Казалось бы, ругнулся – а вся жизнь как на ладони. И потом, Боркин, когда умирал, знал, что умирает, чувствовал. Последнее слово должно быть емким и понятным. Николай как будто умирать не собирается. Дышит спокойно, спит.

Просто устал с дороги, захотел поспать, чтобы потом, проснувшись...

Вот только не мог он дожидаться, когда проснется. Нужно было сейчас же, сию минуту сказать что-то очень важное. И ехал он для того, чтобы сказать что-то очень важное. Самое главное, самое сокровенное. Что же это, самое сокровенное? Получается – орех.

Почему орех? Что за орех?

Николай Антонович Продин спал сутки. Чуть больше. Проснувшись, как это часто бывает в подобных случаях, он не сразу сообразил, где находится. Новое его местоположение было, как минимум, странным. Сундук, склеп, что-то в этом роде. Душный теплый запах опасности. Лезвием у самых глаз ослепительная полоска света. Попытался протянуть руку, не смог. Отлежал. Ноги точно связал кто-то. Тугие больные узлы на коленях. Что за чертовщина? Прислушался. Ватная тишина.

Это мне снится, спасительная надежная мысль. Закрывать глаза. Попробовать закрыть глаза.

Глаза не слушались

– Так и есть, сон. Нужно успокоиться. Все как-нибудь устроится само по себе. Сколько раз бывало такое? Похмелье? Нет, это – другое.

Прислушался

Ходики. Поступь хромоножки. Сколько им лет?

Тишина.

Ну, вот же она, долгожданная тишина. Успокоение.

Покой. Покой. Покой. Покой. Покой.

Однако тревожно. Воистину, от себя не убежишь.

Где-то в отдалении с эпическим скрипом разверзлась дверь. Приглушенные голоса, смех.

Не стараются говорить тихо. Нисколько не стараются. Забыли про меня, а, скорее всего, уже выпили. Нужно просыпаться, вставать. Сколько я спал? Сколько теперь времени?

Николай Антонович предпринял еще одну отчаянную попытку переменить положение. Тщетно. Голоса и смех приближались. Уже можно было разобрать некоторые фразы.

– Свежий воздух для них губителен

– Сколько он не был здесь?

– Тише. Он, наверное, еще спит.

– Да уж сутки спит, пора вставать.

– Он хотя бы живой?

– Живой, живой. Гала, накрывай на стол. Что там у тебя, вареники?

– Я и салат из курочки сделала. Слушай, а он не привез грецких орехов?

– Я не видел.

– Ну, давай, буди его. Столько спать – вредно.

– А вареники?

– И вареники будут. Все будет. Иди.

- *Водочка в холодильнике?*
- *У тебя одно на уме.*
- *Как же, брат, все-таки.*
- *Давай, давай.*
- *Я задал вполне конкретный вопрос.*
- *У тебя одно на уме.*
- *Вопрос.*
- *На уме. – Вопрос*
- *На уме.*

Шаги. Округлились, приблизились. Заиграла шелковая ниточка света

Что такое? Надо бы крикнуть.

Собравшись с силами, Николай Антонович крикнул.

Ни звука. Вместо этого, полон недоумения, совсем близко голос брата, *Ничего не пойму.*

– *Что такое? – Его нет*

Шаги. Много шагов.

– *Когда он ушел? – И куда, самое главное? – В уборную, наверное. Сейчас придет. – А вот,*

Гала, и грецкий орех. Как по заказу. – Один? он что, один орех привез? – Не знаю

– *Давай этот пока. Где у тебя топорик?*

Все пришло в движение. У Николая Антоновича закружилась голова. Приторно сладким комом к горлу подступила тошнота.

Да что же это? Что со мной происходит?

Последнее, что он почувствовал – черный с миллионом пронзительных брызг удар.

Всё.

Каравай.

Название, а в данном случае имечко – мужского рода. Женщине не подходит, хотя внешне рыжая проводница – именно, что каравай. Но не годится. Нужно что-нибудь в том же духе, что-нибудь похожее, но другое.

Пусть будет Хлебная баба.

Не знаю, хорошо ли это? но вот *Хлебная баба*. А больше и подбирать ничего не стану.

Итак, Андрей Сергеевич с желтушным узлом белья в дверях проводницы, Хлебной бабы, источающей доброту и уют.

– *Что ты спросил, мальчик?*

Улыбается всем телом. От ее тяжелого шепота хочется спать. Что теперь совсем некстати, так как Суглоб должен вот-вот явить себя.

– *Я спросил, скоро ли будет Суглоб?*

– *Так ты присаживайся, а я тебе подскажу. Вещи собрал?*

– *Да. Вот.*

– *Это белье, вижу. Положи под стол. Свои вещи собрал?*

– *У меня все с собой.*

– *То есть, ничего нет?*

– *Ну, как же? сумка.*

– *Да разве это сумка? А ты присаживайся. Здесь, напротив.*

Благово складывается вчетверо на полке против проводницы.

Хлебная баба и сама зевает, – *Все будет хорошо. Дурацкая фраза, но ведь так оно и есть?*

– Не знаю.

– А ты верь. Верить нужно. Без веры что у нас останется? Ничего. То-то и оно.

Толстое тепло наваливается на Благово. Опасность скорого сна видится неотвратимой, – А долго поезд стоит в Суглобе?

– Господи, да какая разница? Закроешь глаза, откроешь, еще раз закроешь, еще раз откроешь, вот ты и в Суглобе.

Все последующее осмыслению не подлежит.

Такая вот женщина, абсолют простоты, по идее должна излагать свои мысли также просто и ладно.

Что можно было ожидать от нее?

Предположим, она могла бы предложить баранок или водки.

Предположим, она могла бы пожаловаться на негодяя мужа, маленькую зарплату, пове-
дать волшебную историю о деревенском детстве, наполненным красным медом и колючими
травками, рассказать о семерых своих малютках, опухших щеками и ягодицами от изобилия
материнского молока. Не знаю, что еще, но все, чтобы она предположительно не рассказала,
должно было иметь отношение к большой и грустной родине, услышать и узнать которую может
только сам Господь и никто больше.

Однако речь Хлебной бабы – совсем иное.

Речь Хлебной бабы привела Андрея Сергеевича к мысли о том, что Суглоб действительно
близок.

А именно: *Суглоб уже здесь и точка возврата пройдена.*

Закроешь глаза, откроешь, еще раз закроешь, еще раз откроешь, вот ты и в Суглобе.

Скажи, мальчик, а ты не чувствуешь воронку в самом слове Суглоб? Нет?

*А не боишься, что эта воронка проглотит и сварит тебя, еще и до дна долететь не успе-
ешь?*

*Вор'онок становится все больше. Уж как я их чувствовала всю жизнь, и опасалась,
и стороной обходила, а все же попалась.*

*Что ты так смотришь на меня? Да-да-да. Я уже сварена. Вкрутую. Да что я тебе
рассказываю? Ты и сам все видишь.*

*Не веришь? А ты послушай. Вот, к примеру, лютая зима. Какие неприятности несет
в себе лютая зима? Да, в сущности, никаких. Холодно, но всегда можно одеться потеплее –
оделся как следует, и холода уже нет, как будто и не было никогда, как будто и не бывает его
вовсе. Скользко, но всегда можно подобрать обувь с такой подошвой, что гололед нипочем.
Кажется, никаких особенных сложностей. Но...*

*Но что, прости, делать с этими крохотными как яблочные зернышки малютками, что
снуют туда – обратно. С санками или без санок?*

Ты видел их? обращал внимание на них?

Ты не видел их. Не обращал внимания, не хотел. Да и молод еще.

И не спорь, ты очень молод. Сам недавно таким малюткой был.

Был такой малюткой? был? Скажи по совести.

А санки у тебя были? Были, куда же без санок зимой.

*А вообще не всякий их заметит малюток тех. Не хотят замечать. Не нужны они
никому.*

Как страшно. Малютки никому не нужны. В кои-то веки?

Ты пока не поймешь. Молод еще. И не спорь

Не представляешь, как быстро они мчатся, эти маленькие скороходы. Пусть его снуют, но ведь они просвистывают прямо сквозь тебя, прямо сквозь тело, и не важно, как ты одет. Хоть платками обвяжись.

Я люблю платками обвязаться. Кочан капусты, ни дать, не взять.

Хоть тулуп одень. Насквозь. Навылет. Да.

А эти парочки молодые? Парочки, парочки. Видел их? Еще недавно были горячими, как пирожки, любо-дорого посмотреть.

Любовь, гадство. Против любви не попрешь. Уж это ты запомни.

И не сопротивляйся. Любовь, мальчик – это приговор. Свыше.

Ты еще не влюблялся? Вижу, что не влюблялся. Ничего, ничего, подцепишь эту заразу. Все болят, рано или поздно. Но это такая хорошая болезнь. Ты ее не бойся.

Главное не вздумай вешаться или вены резать. Не вздумай, а то знаешь, мода такая пошла. Мода у них. Повесишься – поплачут, и забудут. Уже через год забудут.

Нет, помнить будут, конечно, но не так, как положено.

Фотографией станешь. Был человеком, а стал фотографией, понимаешь? То же самое, но ни рукой, ни ногой не пошевелить, даже не моргнешь, если ты – фотография. Ну, что это за жизнь? согласишься.

О чем я?

Ах, да, парочки.

Парочки, парочки, парочки... Никому не нужны. И парочки тоже никому не нужны. Но, не об этом речь. Только что целовались, миловались, говорю же, горячие, как пирожки. И лоснились как пирожки. И – на тебе! На твоих глазах превращаются в одну двойную сосульку и падают.

Это – навсегда.

Ты, может быть, в силу молодости, не замечал, а я знаю наверное. Падают.

Со свистом.

Но не вниз, как положено, а вверх

Быстро-быстро. Как и те сиротки, что с санками или без санок. Понимаешь, о чем я?

Ну, что же ты? Сиротки снуют, парочки падают. Быстро-быстро.

И вот о чем я думаю – а не они ли решают небо-то? Ты же понимаешь, что небо – не только там, наверху. Небо вокруг нас.

Так что мы с тобой, мальчик, небожители.

Не веришь?

А туман, что такое туман? Он же и наверху и внизу. Видишь, как просто. А ты и не думал об этом.

Ну, да ладно. Другое. Ты не заметил, что с некоторых пор наше небо в дырочку? Нет?

Отчего же, в таком случае, ворон становится все больше и больше? Голубков не стало, а ворон – видимо-невидимо.

А знаешь ты, что скоро от этих самых ворон уже и шагу ступить будет нельзя?

Все изменилось. Все-все.

Это не обязательно к худшему. Просто все стало по-другому. Не заметил?

Что-то совсем не так.

Ну, так я вот о чем. Пришла с улицы, размотала свои платки, гляжусь в зеркало, баюшки-светы! Да я же вся красная, как рак вареный. Сварилась, стало быть. Покуда разглядывала этих свистунов-скороходов, и сварилась. А это называется «рот не разевай».

Ты рот никогда не разевай. Ты в этом своем Суглобе удивляться станешь, помни, что я тебе сказала. Видишь, я красная вся, сварилась? Продина, твоего дружка как увидела, что он

в гудок превращается, да-да-да, в самый настоящий паровозный гудок, так меня и ошпарило. Ну, понятно, почему.

Из воронки еще никому выбраться не удавалось.

А ты будь внимательным, может, повезет.

И еще помни – откуда приедешь, туда и уедешь.

Это ты должен помнить, чтобы не расстраиваться, а то нафантазировал себе всякого, наверное?

Откуда приедешь – туда и уедешь.

Еще говорят, «от себя не убежишь». Но я этого не люблю. Глупость какая-то. Что значит «от себя не убежишь»? Конечно, не убежишь. Это все равно, что сказать «ночью темно» или «повсюду оспа». И так понятно.

Видишь ли, зло не обязательно в поступках. Зло разлито как молоко из кринки, и если ты этого не видишь, это не означает, что этого нет.

Вот сидит себе сапожник в жаркой своей будочке и высекает серебряным своим молоточком искры. А каждая искра – чья-нибудь смерть.

Далеко, где-нибудь в пустыне.

А, может и в доме напротив.

Что, напугала я тебя? А ты меня не бойся. Я тебе так скажу, себя бойся. И не обижайся на меня. Мы сами себе такие враги – ух!

Ну же, закрывай глаза. Суглоб.

Глава вторая

Суглоб проступает.

...болота, болота, болта, болота, желтый, желтый, желтый, все оттенки, все оттенки, желтого, желтый, желток, гузка, куриная, куриная гузка, же-, желтуха, гузка, куриная, куриная гузка, ча-, ща-, ча-, чеснок, чесночок, -чок, чесночок, чеснок, агония, агония чеснока, агония чеснока, чахотка, жир, рыбий жир, мышь, мыши, мышь, летучая, летучая мышь, лампа, «летучая мышь», з, дно, поздно, не поздно, не так поздно, поздно, не так поздно, кашель, ша-, кашель, мыло, кашель, влажный, влажный кашель, кондуктор, кашель кондуктора, собаки, кашель собаки, нить, сожрала, сожрала, сожрали, сожрала нить, сожрала нить, желтую нить, желтую, желтую, у, угроза, лимон, угроза лимона, глаз, глаза, глазунья, глаза, в глаза, в глаза, желтый, все оттенки, все оттенки, желток, желтого, желток, желтого, го-, ого, мо-, лимон, пусть, лимон, слепень, слепни, слепой, слепота, лимонная слепота, лимонная слепота, слепень, лы, лыла, мыло, мыло ли? мыло? слепни, ни, ни-ни, а, лапы, а лапы? sos, сосна, сосновые, сосновые лапы, сосновые лапы, ре, прелые, прелые, прелые лапы, перловка, год, голод, город, город, далеко, нет, не город, город, нет, далеко, город далеко, ча-, моча, там, моча, моча, детская, детская моча, ослиная, ослиная, ослиная моча, здесь, цыплята, поступь, цыплячья, цыплячья поступь, зыбко, зыбкая, зыбкая поступь, зыбкое, что-то зыбкое, здесь, что-то зыбкое, здесь, цыплята, опять, цыплята, мертвые, цыплята мертвые, мертвые, фа, фонари, аж, мышь, летучая, летучая мышь, лампа, летучая мышь, лампа, фонарь, фонари, кривые, кривые фонари, фонарики, фонарики, ко-, ковыль, желтый, желтый ковыль, жу-, ду-, думать, тугодумы, гнилушки, плач, еврей, еврей, плач, еврейский плач, жемчуг, жемчужный плач, ча-, палач, эх, эстрада, утонула, утонула, эстрада утонула, вода, воды, отошли, воды отошли, вода, под водой, эстрада, под водой, агу, агушеньки, агу, гул, нет, гул, нет гула, гул, а, а тоска? тоска, ка-, ща-, кладбища, нет, перемены, непременно, попеременно, мо-, молчание, непременно, кладбище, как еще? еще как, ша-, шляпа, око, около, вымокла, вымокло, мыло, пенится, пенится, нам, ням, ням-ням, Вьетнам, Мьянма, пул, пусть, мокло, вымокло, всё, джонка, всё, все, дно, на дне, джонка, джонка, худая джонка, на дне, шерсть, как еще? еще как, шесть, шестерка, шестерочка, шесть, шест, шерсть, ш-ш-ш, пчелы, тучные, тучные пчелы, шерсть, ш-ш-ш, пчелиная, пчелиная шерсть, ча-, ща-, пе-, перчатки, как? ша-, ча-, перчатки, как? как перчатки, у, клубок, еще, еще клубок, ча-, перчатки, то-то, пусть, пустота, пустое, папирус, Гоби, пустыня, Гоби, непременно, Шамо, мо-, Шамо, имя, имечко, им, мена, подмена, имена, пусть, и пусть, пусть имена, имена, имена, желтые, желтые имена, желтые имена, жаркое, женино, женино жаркое, да-, ца-, дацан, пыльца, календарная, календарная пыльца, темная, темная пыльца, ча-, чернь, но, тс-с, сырость, сырость, но, опять, вот опять, Сахара, сытая, сытый, сыт, Сахара, ужель, сытая Сахара, ужель, тряпье, свалиться, тряпье, свалиться, катышки, катышки, верблюд, верблюжье, верблюжий, верблюжий горб, где, ключья, верблюд, горбатый, горбатый верблюд, да, спит, да, спит, сейчас, сейчас, уснет, да, спит, сейчас, уснет, нет, ша-, шествие, шествие, сумасшествие, сумасшествие, sos, ла, ла-ла, лов, улов, слова, право слово, дом, желтый, желтый дом, право слово, пост, постой, постояльцы, ча-, по-, почта, письмо, бывший, бывший, бывшее письмо, бывшее письмо, храп, храп, санитар, из ста, храп, санитар, храп санитар, хоцца? хоцца? а? аз, санитары, санитары, э-э, постояльцы, эка, эка важность, пуца, пуца, пуца важность, че-, вар, самовар, черный самовар, их, пых, пыхтеть, потеть, пыхтеть, аз, вар, самовар, черный, пыхтеть, лопнуть, еще бы, лопнуть, тс-с, затухают, затухают, и вновь, и вновь, медяки, зеленые, зеленые медяки, гниль, был, гниль, гниение, медь, медный, медяки, треск, потрескивает, то, то-то, что-то, что-то потрескивает, потрески-

вает, гул, гниль, гниение, треск, Египет, треск Египта, а там, а там, хлебцы, мокрые, хлебцы мокрые, жижжа, жизнь, жив, живые, разумеется, разумеется, во, пить, пиво, пиво пить, же-, желе, желчь, пузырь, пузыри, пузырь, желчный пузырь, е, подъезд, кыш, кыш, кошачье, кошачьи, следы кошачьи, заячьи, ничьи, у, гул, угол, уголки, губ, уголки, глаз, вал, обвал, подвал, марево, подвал, и марево, и мудрецы, и лежбище, и бродяги, и мудрецы, и бродяги, капуста, а капуста? и капуста, а, квашеная, а квашеная? а капуста? а пирог? а капуста? и, и жалоба, и жалобы, и жалоба, рыба, рыб, рыба рыб, бак, рыба, жалоба, рыба, лунь, луна, лечь, конечно, лечь, конечно, луна, лунное, мотыльки, мотыльки, мотыль, лень, ну, ветошь, люто, слон, нюни, слюни, жу-, журнал, журналы, и чай, и божество, чайные, божества, чайные божества, божества чайные, шел, шаг, шах, мат, шахматы, шахматы, слон, ладья, конь, ферзь, королева, пешки, пешки, пешки, пешкой, но, пропасть, провал, плоскость, пасть, желтая, плоскость, желтая плоскость, желтый, зев, желтый зев, до, дно, пусть, глубоко, уже глубоко, пешки, круглые, головки, круглые головки, круглые, хлам, хам, хлам, холера, из, низ, Хорезм, из Хорезма, ле-, холера, мор, морилка, ля, малярия, медь, метить, медь, маляр, где, малярия, тошнота, уж как, тошнота, уж как, зов, чей, зов, желтый, желтый зов, желтый, желтый зев, желтуха, пул, аул, Вельзевул, зов, Вельзевул, если, если, точить, точить, в ночь, ча-, одуванчики, одуванчики, чего, чрево, ромашка, чрево, чрево ромашки, чрево, то, самое то, чрево, чего, чихлый, чихнуть, чих, липа, липа ли? лоб, лоб, лоб, лоб, лоб, обморок, да, голод, да, обморок, голод, мед, мед, мед, треп, а Треплев? а лев? а мертвый? мертвец, мертвый? мертвый лев, мертвый, тоже, тоже мертвый, ва-, голова, нет, боль, вы, я, вы, увы, ох, чахотка, чахотка, был, были, мед, уснут, сейчас уснут, ау, засыпают, мед, липовый, липовый мед, горный, горный мед, Шива, живот, живот Шивы, око, око Шивы, сок, морковный, морковь, морковный сок, пусть, сок, пусть сок, тон, кон, картон, дрова, персики, персики, персики, дрова, преют, персики, преют, дрова, дрова, утроба, утроба. Вешенка, век, стол, леший, столешица, век столешицы, путь, шелк, путь, шелковый путь, глух, глухой, глухарь, барабан, чик, Чак, барабаничик, глухой, глухой барабаничик, глухота, глухота барабаничика, палочки, пальцы, пальцы, пальцы, Эванс, Бил Эванс, Эванса, пальцы Билла Эванса, старик, смерть, смерть старика, старик и его смерть, пора бы, пора бы, лунатик, наволочка, наволочка лунатика, волоком, волоком, сыр, сомбреро, брынза, масло, брынза, масло, чары, Богу-чар, масло, лень, лев, помню, помню, еще, помню, Аннушка, Аннушка, Аннушка пролила, что? пролила, что? или? И, им, нам, им, дым, Индия, опять, гул, арба, раб, арабы, арабы, а гул? гул, море, мертво, Мертвое море, желтый, желток, море желтое, Желтое море, а как же? топь, и топь, и тоска, и топь, тоска, тоска, тоска, болезнь, море, морская болезнь, лис, желтый, желтый лис, лис, лиса, лисонька, Лизонька, рыжая, рыжая, рыжая лиса, ржа, ржавеет, ржавчина, рыжая, ухо, рыжее ухо, рыжее ухо рыжей лисы, ох, изжога, из, и, измена, цвет, нет, измена, ик, заика, мело, похмелье, лис, фас, сфинкс, оскал, оскал, сфинкс, метла, метет, помет, курица, помет, курица, куриный, куриный, куриный помет, ах, Аннушка, ах, пролила, пролила? пролила, точно? точно, очень, точно очень, пролила Аннушка, Анна, слой, толстый слой, помет, куриный помет, кура, курник, ах, курник, няня, няня, а няня? и няня, мешкать, не мешкать, насмешка, то, это, и это, насмешка, это, насмешка, сушить, сушить, осушить, нет, возможно? невозможно, можно ли? нет, невозможно, нет, Нелли, а Нелли? нет, лис, листья, ширь, жир, широкий, листья, широкие, листья, хищные, листья, яд, суд, простуда, яд, ять, жевать, нет, листья, но, мокро, мокро, все, мокро, листья, болят, листья болят, болят, болят, еж, вареный, еж, жар, жир, капли жира, капли, мутные капли, пламя, жидкое, жидкое пламя, щи, хвоицы, вещи, вещи, шар, шаркуны, вол, обл, око, волоокий, язь, как язь, ряска, ряска, ёк, опенок, кад, закат, ладно, ладно? ладно, подкладка, кад, закат, заката, томление, млеть, умиление, томление, чем? что? печень, печь, ах, страх, желтый, желтый страх, желтый, желток, печень, треск, треска, ноготь, деготь, перья, Сальери, сова, пальцы, пальцы совы, не Эванс, нет, не Эванс, сова, пальцы совы, курил, нет, тюрьма, ах, тюрьма,

нет, щип, щеки, поделник, понедельник, поделник, щеки, щеки поделника, подушка, подушка поделника, щека, щека понедельника, ельника, ник, пот, складки. в складках, складки, пот, в складках, в складках, доски, доски, утонуть, не утонуть, не утонуть бы, бы, бы, не утонуть, не утонуть, обл, вол, дол, подол, желтый, желтый подол, ос, полон, ос полон, полос, доска, ржа, жар, ржавчина, ржа, ржавчина, чернь, печенье, пусть, печенье, пусть хоть, пусть хоть, пусть хоть так, пусть хоть печенье, печенье, песок, песочное печенье, печенье песочное, воз, вяз, воз, вязнет, вязнет, вещь, вящий, пальцы, пальцы вязнут, пальцы, о, пальцы, сова, пальцы совы, вязнут, солярка, чеснок, чесночный, чеснок, душно, уж, душно, уж как душно, удушье, подушка, без подушки, под подушкой, душно, уж как душно, он, не он, он, поклон, и поклон, слаб, и слабость, и труха, игуана, хвост, игуана, хвост игуаны, веко, змей, змея, где? в корзине, корзина, змея, а в корзине змея, ноготь, ноготок, коготь, ноготь, курить, курильщик, ноготь курильщика, нога, ноги, ноготь, коготь, медведь, капкан, пакля, капкан, а индус? а дочь индуса? а дочка? а дочка индуса? где? октябрь, просто, так просто, октябрь, просто октябрь, нет, так, не так, просто, нет, желтый, желтое, желтая, тень, желтая тень, грузная, о, тень, корь, Корея, корейка, корейки, корейка, тень корейки, пусть, корейка, пусть, копать, пусть, еще, еще, копать, немного, мена, неметь, медь, непременно, много, немного, и желтый, и желтое, и жидкий, и жидкое, и топь, и топленое, ух, брюхо, вал, подвал, валиться, навалиться, брюхо, брюхом, млеть, мяу, млеть, мямлить, мяу, псы, псина, псы, плести, плет, эпилепсия, псы, р-ры, раз, уговор, вор, разговор, кад, ряд, рядок, порядок, припадок, уж, уже? уже? му-, Мурка, жмурки, жмурки, йо-йо, танец, танцы, нет, не танец, глянец, нет, остров, нет, остов, остров, рыбий остров, рыбий остов, хлев, хлев, рыбий хлев, сон, клякса, клякс, клаксон, кад, припадок, он, поклон, поклоны, бьет, бьет поклоны, бьет поклоны, мах, еще, мах, еще, мах, взмах, очень, очень, медленно, медленно, медленный мах, но, ша-, ши-, шипение, суп? не суп, сопение, суп? не суп, ступор, кыш, дышать, нечем, дышать нечем, дышать, нечем дышать, нечем дышать, нечем дышать, жужжание, ж-ж-ж...

...ветерок, серебряный, серебряный ветер, ветерок, ветер, серебряный ветер, воздух, глоток, глоток воздуха, еще, еще, глоток, воздух, воздух, серебряный воздух, с-с, серебряный, серебро, серебряный, воздух, серебро, серебро, легче, легче, полегче, как будто, как будто легче, как будто полегче, с-с-с, стрела, свет, свобода, там, нет, там, с-с-с, от, свет, свобода, нет, сюда, слюда, свист, свист, стрела, свист стрелы, но, о, олово, оловянный, шар, олово, оловянный, око, высоко, высоко, очень, очень, очнь высоко, а здесь? а здесь? сзади, позади, сзади, позади, то, не то, позади, здесь, а здесь? сеть, легкая, легкие, сеть, апрель, свирель, свиристель, легкая, легкая, легкая сеть, нет, не видно, нет, не видно, смотреть, не рассмотреть, смотреть, не рассмотреть, не высмотреть, с-с-с, свист, прохлада, цыган, свист, свист цыгана, свист, свист, всюду, повсюду свист, отсутствие, олово, слово, отсутствие, свирель, свиристель, свирель, с, свежесть, о, р-ры, опять, опять, рыбы, о, белые, белые рыбы, рыбы белые, белые, белые, вол, белый, белый вол, волны, волна, волны, пресная волна, пресная, бриз, серебряный, серебряный, серебряный бриз, твердь, верь, не верь, ветер, ветер, бриз, лезвие, лаз, лис, весь, лезвие, лезвие, дыры, до дыр, редко, редкий, редкие, деревья, не деревья, редкие, бегом, бегом, кол, дол, дырокол, часток, до, деревья, з, з-зы-, узоры, взор, узоры, Сафо, Сафо, фас, фрактал, фас, фрактал, бес, свист, вечность, бесконечность, уф, река, полотно, полотно реки, пила, полотно пилы, ловит, не ловит, болид, целлулоид, здесь, здесь же, высоко, совсем, совсем высоко, и, и, и, зуммер, з-з, зуммер, о, Оз, синь, синий, синева, синий, синь, синька, синька, синь, деревья, нет, деревьев нет, нет деревьев, большие, нет большие, нет большие, деревьев нет, пусть, грусть, пусть, простыня, чем? бесконечность, чем? сон, со сна, простыня, синь, синька, да, синька, синяя, синее, пятна синьки, стон, о, стон, стекло, да-с, стекло, о, лязг, брызги, стекла, все, все, все, соль, все же, соль, соль, каменная, каменный, соль, поваренная, вар, поваренная соль, поваренная соль, сто, сотня, сто, каменная, соль, каменная

соль, сто, струны, струны, струна, спираль, си, смерть, нет, чибис, нет, смерть, нет, не, за, не за... не за горами, за горами, нет, чибис, кол, укол и, наш, шанс, итьыр, нашатырь и, холод и, ожог, да, декабрь, ожог, да, пусть, и пусть, ну и пусть, спина, немая, немая спина, спина, иней, ха, иней, ла, скол, около, около, ха, леденцы, мята, птицы, птиц, птицы, спиц, спицы, птицы, и птицы, серые, серые птицы, много, ша-, большие, большие, еще большие, большие, серые, большие, серые, птицы, большие, тс-с, сойки, сам, просвет, сам, сойки, синий, синь, само, самое, просвет, на просвет, резкость, свист, просвист, з-з, резкость, зияние, зерно, зернистое, зернистое, да, зернистое, зуммер, зияние, зола, линии, алюминий, там, алюминий, легко, легко, смех, нет, смех, но, миска, звенит, миска, мимесис, смотри, посмотри, мимесис, лишь, лишка, свищ, суть, ча-, чья, чье, свист, присвист, из, из-за, миска, привкус, тал, металл, привкус, и металл, и ш-ш, и шлемы, холод, холодно, холод, шлем, шлемы, холодные, холодные шлемы, здесь, копы, здесь, мавр, здесь, литавры, литавры, вода, воды, ода, вода, свобода, нет, серебро, нет, свобода, серебряная, свобода серебряная, нет, пар, из, из-за, пар, испарина, течь, постичь, испарина, постичь, бриллиант, бриллианты, о, бриллиант, о, бриллианты, бриллиант, бриллианты, цепь, пусть, цепь, цепочка, лоб, упереться, в лоб упереться, колени, упереться в колени, колени, холодные, холод, холодные колени, руки, холодные руки, совсем, совсем холодные, кость, кости, косточки, косточки, кости, обморок, рок, ша-, ща-, щиколотки, щекотно, песок, песок, зубы, на зубах, песок на зубах, уже, скрип, телега, скрип телеги, уже, скрип, половицы, скрип, половицы, ловец, ловцы, здесь, везде, ловцы, терция, три, трение, твердь, тормоза, свист, и свист, и свист, снова, снова, свист, тормоза, а скрежет? зубы, з-з, зубы, совы, засовы, ты, я, ты, бинты, бинты, бинты, ты, босиком, босиком, жим, ужимки, жим, мим, ужимки, ужимки, мим, соль, солоно, солоно, но, скрежет, уже, скрежет, дон, кто, дон, наконец, Дон-о-Кихот-о, конец, наконец, то, наконец-то, конец, солоно, полосы, полосы, полоса, лак, лакировка, лак, уже лак, опять, вспять, лак, лак и лак, нет, не то, не тот лак, но, вскользь, скользнуть, по-, скользнуть, поскользнуться, поскользнуться, пасть, не пасть, упасть, не упасть, упасть, не упасть, стыть, застыть, остыть, стоп, акция, акция, акция, стыд, нет, стыд, нет, нет, оса, осы, голые, оса за осой, осы, полоса, осы, акция, пусть, лед, лед, хрупкий лед, брызги, хрупкий лед, скорлупа, лед, скорлупа, чисто, чисто-чисто, па, скорлупа, скорлупка, лед, лед, лед, из льда, изо льда, пауза, пауза, чисто...

...хорошо, хорошо, о, хорошо, да, хорошо, да, хорошо, да...

...плюх, плюх, топот, белый, топот, белый топот, шагом, шагом, шолом, шолом, ша-, откуда, дух, под дых, дышать, одышка, передышка, ложь, ложе, юдоль, лечь, видится, видится, лечь, видится, прилечь, лечь, обернуться, оборачиваться, не оборачиваться, обернуться, завернуться, кокон, кокон, окно, еще окно, огни, уже, огни, уже огни, уже много, огни, до, не до... день, да, день, да-с, искра, спички, теплые, теплые, спички, спички, шинель, уж, сапог, сапоги, валяные, валяные сапоги, вата, твердь, вата, ватник, вата, ватник, Ватто, уж, теплушка, вот, живот, опять, ять, вот, живот, живот, куда как, живот, мягкий, мягкий живот, мягкий живот, мягкий, но, слон, прислониться, щека, прислониться, живот, Шива, Шива, нет, Шива, там, Шива, нет, лень, лень уже, лень, бремя, беременная, вот, живот, шествовать, шествие, шествовать, путешественник, живот, путешественник, Вишну, но, новое, все, новое, все, нарыв, вал, вар, ворочать, ворочаться, круглый, округлое, шар, округлое, шар, смола, воля, смола, шар, смоляной, мор, морока, коморка, ложь, лошадь, шаль, тишина, домой, домой, занавески, домой, и шторы, и домой, и сад, там, сладкое, лишь, теплее, теплее, тепло, дыхание, теплое дыхание, вулкан, жерло, вулкан, живое, все, живое, жерло, вулкан, клубок, клубочек, глупость, звери, глупые, глупые, глупые звери, дрема, дремать, дремлют, гул, дремлют, гул, дремлют, звери, дремлют, звери дремлют, клубок, в клу-

бочек, свернулись, в клубочек, нега, лакомство, кресты, кресты, идут, старухи, идут, собаки, идут, старухи, идут, идут, иду, идем, и что же? что же? иду, иду, и что же?..

...пепел, асфальт, пепел, пепел, асфальт, твердь, твердый, твердь, суд, ус, суище, щетина, сухой, асфальт, сухой асфальт, уже, сухой асфальт, но, лужи, лужа, лужи, позади, лужи позади, лужи уже позади, резь, резкость, ре, линзы, реализм, черт, предметы, цветные, черт, предметы, пестрые, пестрое, пестрота, Пеструха, все, предметы, да, конфетти, как будто, каркас, сакральный, карст, денежки, бумажные, денежки, бумажные денежки, бум, бумага, бумага, бум, там, дом, там, пол, трель, пол, половичок, ха, коврик, ха, ковер, рухнуть, бред, надо, надо же, нужно, надо же, мук'а, обваливаться, мука, блин, блинчик, ваи, лаваи, маета, ми, мешок, можно, ми, мешковина, мог, много, о, мешок, живое, живой, живы ли, ближе, еще, ближе, живое, живые, мешок, шок, мешки, шастанют, шастанют, жив, живые, мешки, живые, клубы, клубится, клубится, клубни, хлебать, клевать, клевали, расклевали, халва, хлев, там, разлили, ближе, жалость, жаль, пол, там, ходят, ходят, лежит, кто-то, ходят, ход, пол, капли, дом, пилюли, дом, пилюли, пилюли, глубоко, каша, щенки, кашель, влажно, да, кашель, да, опять, опять, глухой, глухие, глухой, глухота, но, молоко, парное молоко, лов, ловля, лов, улов, и, пар, много, пар, много, лечь, опять, лечь, нет, молоко, млеть, молоко, молочный, чем, вот, ложка, вот, дерево, деревья, дерево, было, было деревом, было всем, будет, дрожь, слегка, дрожь, будет, ложка, стол, стул, пусть, скамья, пусть, скамейка, скамьи и, скамьи и, нет, лечь, надобно, надобно, лечь, нет, ливер, пир, ливер, потом, следы, потом, гул, глубина, глубокий, глубокие, ох и, само, там, следы, будут, да, ушиб, башина, башины, ближе, там, ушиб, чужой, чужое, лечь, весть, что, вещать, весть, невеста, там, невеста, паче, почему, чем, пусть, пачкаться, испачкаться, невеста, невестой, что, пачкуны, и, пучок, и Чук, чукчи, чукчи, были, да, крючок, но, крючок, что это? что это? день, день, да, день, ведать, ведун, неведение, введение, неведение, но, пыль, да, ноги, да, пыль, напылить, вспылить, сполохи, сполохи, переполох, лег, прилег, лег, клетот, лег, клокочет, каракуль, кочет, клокочет, ворс, врос, оцупь, на оцупь, нет, вперед, нет, вперед, вперед, вот, овчина, вот, волнение, лечь, вовлечь, и вата, и водка, ягнятка, мать, ягнятка, мать, мять, измять, мятый, мятый, стакан, пусть, стакан, а как же? а? как же? для, польня, ну, водка, ну, резьба, мусор, мусор, крошки, крошить, накрошить, крошка, окрошка, слова, окрошка, трошки, потрошить, потрошитель, еще, еще, потрошитель, нет, да, требуха, да, опилки, опилки, завитки, завитушки, вензеля, петли, петли, грунт, грунтовка, плевки, пятна, перламутр, раковины, ракушки, ракушки, голоса, гулки, голоса, гулки голоса, но, невнятно, но-но, скулит, кто-то, что-то, скулит, пес псарня, там, поскуливает, пять, пятишься, пятки, пятки, горят, пятки горят, золото, золотом, горят, золотарь, беда, золотарь, кровь, брызги, брызги, куш, еще куш, кишечник, кровь, вар, кровь, пар, пар, клубок, еще клубок, пар, ага, улей, улей, полон улей, далеко, еще далеко, галеты, галеры, галерея, картотека, шатер, шатры, гетры, узел, морской, узел, веревка, воры, веревка, увы, вить, вести, плести, хитро, уж хитро, плетение, хитросплетение, слоги, слова, слова, слоги, муравы, муравейник, куча, шевелятся, все шевелятся, плести, заплести, расплести, зыбкое, и-и...

...зыбкое, зыбь, зыбкое, нет, не удержать, лад, взгляд, не удержать, нет, сирена, вой сирены, гладкий, нет, вой, нет, сирена, среда, там, идти, идти, ягодицы, ягодицы, ягода, арбуз, ягода, путь, плоть, плоть, нырнуть, нырнуть бы, нырнуть бы, с головой, без головы, с головой, голова, лохмотья, лакомые, лохмотья, горы, сахарные, горы, голова, тряпичная, голова, колено, колени, голени, голь, колени, преклонение, коленопреклонение, окурок, еще, качает, карачки, на карачках, на куличиках, куличи, замша, запах, запахи, запах, резины, запах, кожи, кожа, животное, ого, животное, да, запах, горемыка, жаль, кража, жаль, бежать, жевать, бежать, мозжечок, уже, перебежчик, гюрза, лента, гюрза, тянется, тянется, потянется,

тенета, есть, тенета, есть, новости, какие, новости, фикция, фук, за фук, фантики, фантики, паучки, паучки, гонец, спит, гонец, лень, ах, ленивец, ах, кома, день, громада, громадный, там, день, в аккурат, зиккурат, опять, зиккурат, снова, снова, да, в небо, прямо, зиккурат, так ли, поворот, выверт, вельвет, поворот, еще, еще, коловорот, лестница, лестницы, яма, ух, яма, просьба, пузыри, пузыри, метить, пометить, метки, сажка, немного, сажка, еще, непременно, уголь, пусть, крот, кроты, подпол, там, подпол, крот, нора, дно, нет, солнце, нет, дыра, нет, что, ух, скопление, оскопление, люди, люди, вот они, вот они, там, нет, блюда, блюдца, блюдце, блюдо, базар, мелкий, базар, круглый, да, базар, белесый, белесый, опаска, с опаской, у-у, усталость, у-у, гул, гул, гульба, головы, головы, головастики, глухота, глухие, глухонемые, пни, пень, пни, пелена, компания, червь, червоточина, пусть, коричневый, кочки, компания, баул, баулы, толстый, баул, плечи, ну, плечи, язык, язычок, язык, чаща, миг, мигнуть, подмигнуть, лаз, лазить, соблазн, блазнить, поблазнить, белочка, белок, босяки, плевок, плюнуть, снуют, снуют, хруст, хромота, еще хромота, хруст, белый хруст, белена, мне, немой, немота, мне, тугая, немота, здесь, всяк здесь, всяк здесь, треск, Грум, триппер, три, пусть, тридцать три, триста тридцать три, Грум, морока, речь, чья, речь, нет, чаща, там, бежал, убежал, идти, тащить, идти, тащить, утащить, удила, зоб, бузина, занозы, колени, волоком, волоком, пусть, маета, мерзость, забытье, жим, ляжки, жаль, желание, выскочить, выскочить, куклы, блохи, куклы, блохи, волоком, волоком, перекатом, перекатом, иду, иду, топот, топот, торг, торговцы, торговцы, мулла, лама, мало, кон, карты, кон, кости, костяшки, там, перепелка, перепелочка, ком, кол, груз, укус, горн, ноги, ноги, нога, звонок, звонки, звоночки, три, тридцать три, трюмо, тренога, стреножить, три, трата, три, черт, воротничок, воротничок, щель, еще, щель, щели, глухо, так, глухо, наглухо, до ста, сто, до ста, высь, ввысь, высота, высота, но, удав, там, удавка, там, вниз, вниз, но, вверх, но, вниз, ах, уловка, вот, безволие, вот, плеть, лесть, влачиться, мямлить, влачиться, мямлить, мать, лепетать, мямлить, лепетать, галстук, жилы, галстук, лама, галстук, кричат, еще, кто, кричат, даль, далеко, дальний, и, там, еще, еще, воля, воля ли, воля, ах, кричат, далеко, идут, идут, кто, идут, едва, суть, едва, идут, еще, несут, кто, тон, тела, терпеть, едва-едва, треть, три, ладонь, ладони, ладошки, пот, потеть, запотеть, запотели, запотело, зеркало, все, запотело, пятна, ладони, ладошки, пятно, милый, пятно, милые, пятна, еще, еще, пятна, пятна, да, люди, там, люди, люди там, там, люди, или, люди, или, лепет, или, хлопья, хлоп, крен, нет, хлопушки, там, хлопушки, нет, хлопоты, плен, пленение, ложь, блаженство, блажь, боль, блаженство, нож, нет, лицо, чем, лицо, ниц, ниц ли, линии, линии, нет, свет, вниз, вниз, свет, да, сушь, нет, тишина, тишина, сердце, тишина, пусто, пульс, тишина, шествие, сошествие, нет, Су-су-су-суглоб, да-а-а-а...

Можно, конечно можно пропустить данный фрагмент. Да вы, наверное, так и сделали. Но, в таком случае, вы не ощутили того ни с чем несравнимого восторга, что испытывает и поезд и железнодорожный путешественник, погружаясь в так называемую зону турбулентности, а по сути в пространство Гипербореи, где абсолютное счастье и бессмертие ждет их всегда и навсегда.

Так что, пожалуйста, вернитесь, и прочитайте еще раз. Лучше вслух. Пусть негромко, пусть шепотом. И вы станете другим, новым человеком. Не исключено даже, что вас на некоторое время перестанут узнавать близкие. Признайтесь, разве вам иногда не хочется этого?

На станции Суглоб впечатления от дорожных моих собеседников все еще тлели во мне, подобно угольям, то разливаясь алой волной, то забываясь серебром.

Забегая вперед, замечу, с тех пор нечто подобное испытываю я всякий раз, когда в моей жизни появляются литературные люди. Так именую я не только и не столько людей, склонных к сочинительству, но также и тех, что, возможно, не заражены писанием и к самим книгам не испытывают ни малейшего почтения, однако так или иначе поразили мое воображение чудом, внешностью или беседой. Согласно некоему непостижимому рисунку судьбы с того момента, как я поднялся по опасным ступенькам поезда, обреченного на Суглоб, мне встречались преимущественно (хотелось сказать *исключительно*) такие люди.

Хотя поверить в это просто невозможно, я стал меньше думать о Гиперборее. На какое-то время вот эти самые литературные люди вышли на первый план. Стоило мне закрыть глаза, перед тем как уснуть или днем, чтобы на мгновение отключиться от разнообразия или однообразия, тотчас являлся кто-нибудь из них и принимался рассматривать меня с детским любопытством. Иногда просто рассматривал, иногда говорил что-нибудь в унисон непрекращающемуся внутреннему моему диалогу, иногда звучало что-нибудь неожиданное, даже нелепое, на первый взгляд.

Подчеркну, только на первый взгляд.

Велись, да и по сей день ведутся бесконечные беседы о писателях. Реже – о художниках. Главный вопрос, *чего они все хотят?* Могут ли они просто и кратко сформулировать свой вопрос-просьбу человечеству? А мог бы я, будучи писателем, сформулировать такой вопрос? И, если все же его сформулировать, не исчезнут ли в таком случае сухие листья из гербариев и не отстранят ли от последнего полета вздым напившегося накануне Антуана де Сент-Экзюпери?

Вообще моим заметкам, если они когда-нибудь все же увидят свет, можно было бы дать подзаголовок «Ложные воспоминания о писателях Земли русской, других земель, и немного о художниках».

В кажущихся нелепостях всегда или почти всегда вибрирует такая гулкая сущностная нить, что в невидимом отдалении крепко связывает отсутствие и присутствие.

Иногда мне демонстрировались разные фокусы. Вот одна женщина из судьбоносного поезда, сам не знаю, почему не описал ее прежде, из лени, наверное, зевнула, и во рту у нее я увидел детскую головку. Золотистое такое темечко. Вышло что-то наподобие фокуса с яйцом, но совсем другое.

Самое любопытное в этой сценке то, что я нисколько не удивился, но подумал, – вот, еще один маленький человек. Ни грамма смущения, что обыкновенно поселяется в нас при виде чужой наготы или еще чего-нибудь необъяснимого.

Младенец – и хорошо.

Хотя, что уж тут хорошего, когда младенец изо рта торчит?

Зевота ушла, женщина улыбнулась мне материнской своей улыбкой округлой и немного бессмысленной.

Я подумал, если ее не смущает ребенок во рту, почему он должен смущать меня?

Вероятнее всего, это – намек.

А дальше – разнообразные мысли, наития, догадки по этому поводу и по другому поводу, и так далее, и так далее...

Вот я сейчас в вашем присутствии закрываю глаза.

Ну, что?

Так и есть. Кто-то из литературных людей.

Пока только силуэт.

Кто же это?

Проводница?

Веретено?

Продин?

Складывает руки в карманы брюк, смешно поворачивается на месте, укоризненно (ай-я-яй) качает головой, показывает язык.

Продин.

Так я и думал.

Да, разумеется, и проводница, и Веретено – лакомые, я бы даже сказал, сказочные персонажи, но Продин – это... это – такой... такое!..

Отец отца не встретил своего внука.

Мертвенно белесый поутру вокзал оживляли только собачки.

Теперь я называю их *мои собачки*.

Это – не метафора. Собачки поджидали именно меня.

Отряхнув с себя пыль, я, обращаясь вовсе не к ним, и вообще ни к кому, спросил, – *А что, есть у вас здесь проститутки?*

Проститутки? Какие проститутки? Почему проститутки? Зачем проститутки? Откуда?

Ума не приложу.

Надо же такому случиться?..

А, между тем, в то мгновение, когда моя правая нога коснулась благословенной земли Суглоба, мысли мои бродили совсем в иных угодьях.

Сейчас расскажу.

По обыкновению поворотные моменты моей жизни сопровождают ложные воспоминания о Хемингуэе. Воспоминания с привкусом героизма. Лучшее средство от трусости и волнения.

В то мгновение, когда моя правая нога коснулась благословенной земли Суглоба, я представлял себе как рябой с похмелья громовержец достает из сырой охотничьей сумки бутылку рома с пошлой оранжевой этикеткой, пунцовое мясо, и, провалившись в тень секвойи, с шипением растворяется в ней.

Здесь он уснет.

Нет, не навсегда.

До величественной смерти ему остается еще двенадцать лет, семь месяцев и одиннадцать дней.

Наперед я планировал заглянуть в его кишаский мраморными от крови быками и черноглазыми ротозеями сон, что-то еще...

И вдруг, на тебе, – *А что, есть у вас здесь проститутки?*

Зачем, почему?..

Да как же? яснее ясного, легкодоступные женщины явились прямехонько из железнодорожных бесед. Но ведь я отдавал себе отчет, сколь остра и коварна эта мелодия. Я всегда... всю жизнь... и вчера... и, будучи еще мальчишкой, подсматривал за собой и, рот на замок, Боже упаси, ни при каких обстоятельствах не пускал в себя этот волнующий, самый ядовитый из всех ядов мальчишеский яд. И, уверяю вас, мне казалось, да нет, я был убежден в том, что зело преуспел в своих стараниях. Я даже чувствовал озноб неловкости за своих собеседников, то и дело преображавших эфир приторно запретными темами за их беспомощность перед инстинктом.

И вообще это не мое, и мне этого не нужно, и я не женат, и не буду женат, и девственен, и это меня нисколько не тяготит, нисколько не тяготит, и все такое прочее, и вдруг, на тебе, – *А что, есть у вас здесь проститутки?*

Получается, язык мой не просто враг мой, язык мой мне не принадлежит. Вот что получается.

Надо же такому случиться?

С этим – всё.

Это неинтересно и будет беспощадно вымарано.

А вот дальше – интересно.

Дальше – действительно интересно. И кувырок, и пища для размышлений философам и биологам.

Дальше – шок и воздушный поцелуй.

Если стоите – садьте.

Или, как принято с опаской и намеком говорить в триумфально покрывшем всех и все воровском Вавилоне – присаживайтесь.

Хотите, верьте, хотите – нет, мои собачки потупили взоры

Это не мое воспаленное воображение – факт. Факт, потрясший меня до глубины души.

Стыдно.

Честное слово – стыдно.

Что делать?

Незамедлительно просить у них прощения?

А не покажется это странным?

Кому? Собачкам? На вокзале больше никого нет.

Кстати.

Тема, заслуживающая отдельного разговора.

Существуют ли в природе пустоты?

Что происходит в коридоре или соседней комнате или кухне в тот момент, когда я, убежден в собственном одиночестве, свернулся под бесконечно желтым одеялом с головой, пытаюсь задремать, точнее, отстать от роя крохотных колючих событий, имитирующих судьбу?

Что происходит между случайно брошенным предсказанием и его всегда неожиданным воплощением?

*Чьи молоточки стучат по наковаленкам?
Чьи пальчики запутывают волосы?
Чьи губы сдувают пенку с молока?
Кто целится косточкой в нёбо?
Кем и каким образом исполняется наша нечаянная воля?
Кто руководит проделками нашей памяти и связанными с этим как бы случайными встречами?*

Без особенного с нашей стороны сопротивления, приученные к закономерностям, мотивам и вере на слово, мы слепнем сызмальства, чем, вне всяких сомнений существенно облегчаем жизнь обитателям параллельного мира.

*Каково им там, героям и труженикам пустоты?
Не тесно ли?
Мне представляется, что совсем не тесно.*

Или вот – еще мысль. Посетила меня следом.
Несколько неожиданная мысль.

Возьмем любой день.
Нет, не любой, скучный именно день. Один из тех дней, что лучше бы его и не было, так жаль растрченного времени.

*Навсегда ли он останется таковым?
А не будет ли этот день потом, по прошествии жизни, казаться нам замечательным? очень даже замечательным, полным грудного счастья днем? Таким же запашистым и светящимся, как прежде ненавистная поездка в лес с инородными однокашниками, мокрыми ногами и разбитым носом?*

С другой стороны, не грех ли жаловаться на некоторые знания, предметы и явления сокрытые от нас навсегда?

Да разве я, да все мы готовы лицезреть какого-нибудь удильщика с исцарапанной кошкой физиономией или, напротив, гигантскую болотную выпь, затаившуюся в углу между шкафом и стеной?!

Да, не след расставаться нам с верблюдьим своим одеялом из детства. А потому ни при каких обстоятельствах не следует забывать о близости искушений и безумия.

Когда бы это было так просто исполнить.

В общем, я сробел
Признаюсь, сробел.
Не спросил прощения у своих собачек.

Спешно сменил тему, как говорится, перешел к делу как будто... при этом краска на лице... ужас, одним словом, – *И где мне искать Якова Благово?*

Представляете себе сценку? Этакий увалень выбрасывается из поезда, глаза безумные, одышка, и, одним выстрелом, можно сказать дуплетом, – *А что, есть у вас здесь проститутки?* и здесь же, – *Где мне искать Якова Благово?*

Эх!

Дальше – интересно.

Вот дальше – интересно, честное слово.

Дальше – озноб и помешательство, и букет фиалок.

Мои собачки проявили несказанное понимание и благородство. Уж не знаю, оценив ли мое смущение, слышав ли знакомое имя, они, как мне показалось, нет, я уверен в том, тотчас простили меня, оживились и вскочили с очевидной готовностью проводить до самого дома.

И проводили до самого дома.

Разноцветные мои собачки.

Да.

Что можно сказать в заключении?

На меня обрушилась дружба.

И я понял, что это навсегда.

Да.

Собачки навсегда.

Да.

Жираф появится позже.

А, может быть, и не стоило говорить о жирафе, теперь его появление не будет столь эффектным. Но, в конце концов, здесь не цирк, и всякий раз преподносить сюрпризы не входит в мои задачи.

Наверное, смерть Хэма представляла собой жуткое зрелище. Уж чем-чем, а малокровием он точно не страдал...

Постоянное общение с быками, их размалеванными палачами и прочее...

Разумеется, разумеется, я собой недоволен, по отношению к себе полон серьезных сомнений, даже иронии, но...

Только ли со мной такое происходит?

Спросите себя, можете ли вы, способны ли вы по настоящему, без скидок и поблажек, по большому счету, вне странных или критических обстоятельств, каждодневно управлять своими мыслями и словами?

Каждодневно.

Что скажете?

Где-то там...

На патриархальной медовой поляне...

Кое-кто голенастый, далеко не ума палата и отнюдь не Голиаф, играет... в прятки.

Хотя, согласитесь, это непросто – играть в прятки на открытом пространстве, в особенности, если это – плывущее от запахов клевера и иллюзий пространство.

Онемевшее от пестрых запахов и шорохов пространство.

Пространство-обморок.

При игре в прятки в таких обстоятельствах приходится ложиться животом или спиной в ледяной кипяток травы, невзирая на ожоги ядовитых красных муравьев прикладывать ухо к слепящей земле, набивать рот пресной ватой воздуха, и...

И здесь возникает вопрос, – А стоит ли так затрачиваться?

Согласитесь, играть в тюбики в таких обстоятельствах было бы гораздо проще.

Знаете, как играют в тюбики?

Не знаете.

Этого никто не знает.

Единственное, что можно сказать об игре в тюбики, это то, что речь идет о тюбиках с красками, а также то, что это – самая азартная игра в мире.

Ставка – жизнь, не меньше.

Такие дела.

Такие дела, брат.

Иногда можно и самим собой поговорить. Не самое худшее времяпровождение.

Попробуйте.

Явление жирафа

Нет, нет, еще не время ему являться.

А Эрасту Нарядову – в самый раз.

В сотканном из пыли ветхом солнце мастерской Эраста Нарядова роскошествует женское тело. Белое, но живое. В отличие от самого Эраста и его картин. От осознания одиночества телу легко и просторно: укладывается на диване, руки за голову, сплетает и расплетает крупные ноги, осторожно пьет кофе из перламутровой ракушки, долго потягивается, наклоняется за оброненной черепашкой-заколкой без страха явить тайное место. Тело ведет себя так, будто ни в мастерской, ни на всем Божьем свете нет никого больше. Во всяком случае, складывается именно такое впечатление.

Эрасту Нарядову, обугленному бородой и болезнями молодому старцу не хочется рисовать. Лет пять, как ему не хочется рисовать. Лет пять, как ему ничего не хочется. Ибо конец света, по его наитию, настал и дальнейшая ловля кувшинок бессмысленна, если не сказать, преступна.

Постно, обыденно и неспешно в мастерской. Терракотовая черепашка, запутавшаяся в вате между оконных рам, несколько не привлекает к себе внимание. Одно только живое пятно... нет, вот, нашел еще одно – рубиновое вино в бокале. Горит, пульсирует...

Эраст пьет.

Притом пригласил натурщицу Зою.

Зачем?

Пригласил, заплатил деньги.

Зачем?

Пригласил, заплатил деньги, велел раздеться, прищурившись, смотрел, как юрко она выскальзывает из одежд, вспомнил знакомую по пленэру лаковую змейку. Отошел, прищурился, замер, подошел, приблизился, пересчитал брызги родинок на спине, *не пропали?* взял за руку, повернул, еще повернул, еще раз повернул. Закрыв глаза, открыл глаза, отошел, прищурился, замер. Отвернулся к окну, закурил...

Зачем?

Уж если речь зашла о литературных людях...

Ну, хорошо, вернемся к этому позже.

Сдержаннее в любви.

Сдержаннее в любви, твержу я себе точно заклинание, приступая к разделу, развивающему тему собачек.

У многих авторов вследствие избытка чувств, собачкидохнут. Тому есть множество литературных примеров, от уже упомянутого Тургенева до Троепольского и Сергиенко. Собачки, их хозяева, родные хозяев у таких авторов бывают биты, несчастливы, болеют, умирают и так дальше. Как будто речь идет не о собачках, а о выдающихся людях (смотреть глава первая).

Мне это не подходит.

И не для того произвели мы на свет собачек, чтобы умерщвлять их своей ненасытной нежностью.

Совсем недавно я узнал и с радостью принял теорию, согласно которой человек произошел совсем не от обезьяны, а неизвестно от кого, но, в свою очередь, является прародителем медведей и собак. Подтверждение своей гипотезе ученые нашли, сравнив нижние конечности вышеуказанных представителей фауны. Все же, как не поворачивай, наука – главное.

Мои собачки сыты и веселы. Мои собачки произведены на свет, чтобы утешать и смешить людей. В этом у меня с ними много общего.

Э, да что там?! Мои собачки изысканы.

Знаете, какой у них окрас?

Здесь небольшое отступление.

Сравнительно недавно я научился погружаться в томительные и бурлящие бездны словарей. Сам не знаю, как и, главное, зачем это произошло, но, что случилось, того не отнять.

Меня облепили мириады диковинных и жадных как жалоба слов, дрожащих от нетерпения проникнуть, прокрасться, прошмыгнуть, забраться и поселиться в вас навсегда. По крайней мере, до благодатного и окончательного рассвета деменции.

Знаете, что такое деменция?

Слабоумие.

Слово *слабоумие* порождает жалость, *деменция* же – нечто утонченное.

Обожаю *утонченное*. Обожаю *народное*, кажется уже говорил об этом, и *утонченное*. Казалось бы разного поля ягоды, однако же...

Думается, *утонченного* мне не хватало в детстве. Равно, как и *народного*. А природа требует.

Только вслушайтесь – *деменция*.

Хочется надеть запонки и отправиться куда-нибудь в испанский ресторан.

Ну, да Бог с ней, с деменцией.

И при первом оглушительном знакомстве со словарем, и в последствие, когда я уже окончательно понял, что избавиться от словарной зависимости не в силах, мне, хотите, верьте, хотите – нет, не было страшно.

Совсем.

Мало того, каждый раз отправляясь в бездну, я испытывал сравнимое разве только с манным сном удовольствие и подобие неги.

Мне казалось, что я, точно начинающий гимназист, наливаюсь некоей доселе неведомой радостью.

Вот и теперь, изволите видеть, радость во мне.

И прежде и теперь.

Радостью этой делюсь с вами, и не желаю знать, готовы ли вы принять мой дар, по причине того, что нетерпение делиться радостью больше меня и сильнее меня.

Итак.

Каков окрас моих собачек?

О!

Здесь и *вердепешевый*, и *гридеперливый*, и *плюсовый*, и *бланжевый* (у Иллариона) цвета. Согласитесь, у изысканных собачек и окрас должен быть изысканным.

Илларион – самый крупный в собачьем стане. У него каштановые с коричневыми родинками глаза и черные реснички, как у зебры. При другом окрасе, его вполне можно было бы принять за небольшую зебру.

У вердепешего Фомы ресниц вовсе нет, а нос – красный, как у клоуна. Наверное, в роду у него были альбиносы. Наверное, он самый настоящий альбинос, только не моется. А мыться Фома, понятное дело, не любит, потому что каждый раз после купания сторает на солнце.

Из двух зол выбирают то, что мельче.

Гридеперливый красавец Гоша слегка грассирует, отпускает бороду и обожает индийскую музыку. Лет тридцать назад это могло шокировать, но теперь, когда на улицах нередко можно встретить буддистов – ничего особенного. Гоша, разумеется, обожает буддистов, так как при их появлении тотчас проникается прошлым и будущим.

Плюсовый, ближе к камелопардовому, Патрик Браун, не имеющий ничего общего с Патриком Брауном из моей американской трагедии (см. Глава первая), напротив, тяготеет к алкоголикам. Он сам галантен и задумчив как алкоголик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.